

КОМПРОС

поэтический фестиваль

АНТОЛОГИЯ КОМПРОСА

стихотворения участников поэтического
фестиваля «Компрос» 2014–2015, Пермь

Предисловие

Фестиваль «Компрос» проводится третий год. На данный момент это самый большой поэтический фестиваль Урала и один из крупнейших и значимых поэтических фестивалей, проводимых в России. Немногие города могут похвастаться подобным масштабом. Гости из Москвы, Екатеринбурга, Челябинска, Ижевска, Симферополя, Липецка и других городов, семинары и слэмы, множество новых звезд Пермского края, зажегшихся на поэтическом небосклоне — все это «Компрос».

Данная антология представляет срез поэзии участников Компроса. Стихи подбирались по принципу «немного, но ярко». Подборки некоторых начинающих интересных авторов, еще не избалованных печатью, расширены, подборки же некоторых известных звезд, мэтров поэтического небосклона состоят всего из двух-трех стихов. Это показалось нам разумным. Надеемся, что чтение сборника не только в очередной раз докажет вам значимость Перми и Урала в поэтической жизни страны, но и доставит эстетическое удовольствие, или, в терминологии Артюра Рембо, катарсическое ощущение «распада чувств», что является, заметим, единственным условием и оправданием поэзии.

Владимир Кочнев

Содержание

3.....	Александрин Бенуа	41.....	Антон Бахарев-Черненко
4.....	Илья Знаменский	44.....	Леонид Юзефович
5.....	Александр Костарев	45.....	Арина Шульгина
7.....	Александр Самойлов	46.....	Георгий Звездин
9.....	Андрей Симонов	51.....	Михаил Червяков
10.....	Анна Опутина	54.....	Павел Чечеткин
11.....	Александр Переверзин	56.....	Андрей Мансветов
12.....	Андрей Лапицкий	58.....	Вадим Балабан
13.....	Нина Александрова	60.....	Марина Матвеева
14.....	Михаил Куимов	62.....	Александра Шиляева
16.....	Юлия Балабанова	65.....	Янис Грантс
18.....	Константин Комаров	67.....	Александр Корамыслов
21.....	Артем Носков	69.....	Максим Воробей
23.....	Кирилл Азерный	70.....	Алексей Евстратов
26.....	Марат Багаутдинов	72.....	Евгений Гусев
30.....	Тимофей Беркутов	73.....	Маша Весна
31.....	Виталий Кальпиди	74.....	Владимир Бекмеметьев
33.....	Ярослава Широкова	78.....	Анна Бердичевская
37.....	Александр Белов	80.....	Владислав Дрожащих
35.....	Юлия Мансурова	83.....	Андрей Пермьяков
38.....	Ольга Роленгоф	85.....	Руслан Комадей
40.....	Сергей Галлиулин		

Александрин Бенуа

Александрин Бенуа (род. 1994 г., г.Пермь). Живёт в Перми, учится на 4м курсе Пермского Музыкального колледжа на педагогическом отделении. С 19 лет выступает на разных пермских вечерах поэзии и в арт-кафе. Участница поэтического фестиваля «Компрос» 2014, г. Пермь. Призёр Международного поэтического конкурса им. Немтина 2015 в номинации «за найденный код поколения»

внимание, граждане! поэта нужно оставить
в пустой комнатёнке, почти без света
где будет лишь маленький для него трончик
и чернил флакончик.
оставьте поэта!
этого бедолагу, неспособного взросло
быть галстуком с дипломатом,
вышагивающим вперед.
поэт плачет и ругается матом,
он наверное скоро умрет.
какой нелепый, какой вопиющий
на его бледных руках чернильный след.
только вы никогда не узнаете,
что счастлив он больше
вас всех вместе взятых
в камерке без света.

входи. вноси скарб свой измятый
сегодня некуда спешить
из окон сиреневый с мёдом закат
медленно осуши
ложись. растекайся свободной пеной,
распадайся, как снежный ком
россыпь мелких и острых предметов
лежит вокруг серебром
слушай. в перепонках шумят приливы,
раковиной открылся рот
винил, как черный кот ленивый
за хвостом делает поворот
твой мир. желе из времени с ветром
где сердце сочно мажет свой бит.
ныряй, как колибри в янтарную реку,
в которой нет страха.
Люби.

Илья Знаменский

Родился в Перми в 1991 году, учился на кафедре Режиссуры и Актерского Мастерства ТТАКИиСТ (курс Ушакова А. Л.).

Участник Всероссийского литературного фестиваля имени Михаила Анищенко (2013 г.), участник Открытого музыкально-поэтического фестиваля «Равноденствие» (2014 г.), публиковался в альманахе «Часовые Памяти» (2013 г.), участник фестиваля «Компрос» (2015 г.).

Публикации: самиздатовский сборник стихотворений (дипломная работа студентки кафедры издательского дела ТюмГУ) «Черное и белое» (2011 г.), альманах «Часовые Памяти» (2014 г.), литературная газета «Свежак» (лето и осень, 2015 г.).

Корми ласточек своих на парапетах,
жги хрусталем холодные воды Балта!
Мы под дождем в латвийском гетто
разлюбили друг друга на завтрак.
Разменяли евро в банке по курсу,
я переехал от тебя жить в хостел.
Знаешь, в душе по-прежнему мусор,
и выгрывать его поздно.
Мне нравился привкус соленого моря,
губы твои мне нравились беспощадно.
Я обожал встречать с тобой зори,
и в море глядеть одноглазым пиратом,
любуюсь сердцу приятным бригам,
ну, или, наблюдая за стариком на лодке.
Я любил переулки в ночной Риге,
и ненавидел цены на водку.
От тебя остался лишь штампик в загране,
да замерзшая солью память на снимках.
Теперь рубли мне греют карманы.
Внутри русская водка,
снаружи —
русская грязь
на ботинках.

Закамск обветренно кряжист,
облуплены фасады роддома.
Район этот — горы, и тяжесть
удачи слепого рандома.
Жизнь здесь — сплошняком непогода,
местность — порядком лесиста.
Родишься ль красавцем, или уродом,
братом, или sister, —
ты будешь закамцем каменно-твёрдым
я хоть где тебя узнаю из тыщи:
мы с тобой одного цеха вёдра,
с не убиваемым днищем.

Александр Костарев

Александр Костарев — родился в Екатеринбурге (1990), учится на философском факультете Уральского Федерального университета. Стихи печатались в журналах «Волга», «Урал». Автор сборника стихотворений «Верные. Смешные. Немногие».

Проститутки зимой

Они стояли на ветру
и грустно так на всё глядели:
ночной проспект — не точка ру,
а холодно на самом деле.

Вдоль света, снега и стекла
мы шли, и ты серьёзно, с ноткой
сочувствия, произнесла:
«Ну как они в одних колготках?»

Мне, честно, было пофиг. Пар
мешался на морозе с речью.
«Давай откроем лунопарк
с блек-джеком и огромной печью!»

Ты подытожила: «дурак»,
сменила тему разговора,
а после всё пошло не так,
и мы расстались очень скоро.

Зима — не время для любви.
И часто в минус двадцать водка
волнуется в моей крови:
«Как там они в своих колготках?»

* * *

Яся работает в детском саду,
если повсюду ясли,
много заботы и в этом году
будет у Яси, ясно.

А беспорядок какой, ну и ну,
всё покидали на пол.
Дети играют в такую войну,
где умирать не надо.

Яблочным соком да плачем в плечо
чьё проливалось детство?
Ты посмотри на него, и ещё,
видишь, не наглядеться.

* * *

Многолюден, но бесчеловечен
зимний вечер, центральный проспект,
где рекламным безумьем подсвечен
скупучных лиц безупречный доспех.

Мне здесь жить и работать наощупь,
худо-бедно скучать по тебе,
то и дело бежать на всеобщий
ежедневный турнир по ходьбе.

Мне летать в аппаратах летальных
над фавелами памяти, мне
примерять башмачок твой хрустальный
всем подряд, мне увидеть во сне

как пространство сжимается в точку
и в контексте того января
ты сначала встаёшь на носочки,
а потом понимаешь, что зря.

В школе стареют только учителя,
нежные суффиксы, нервные окончания,
девочки в юбочках фоткаются, скулят,
но, тишину ломая, хранят молчание.
Легкое время вышло наискосок,
после уроков как-то была денюха,
не поцелует, выпьет вишневый сок,
я напишу на парте, что Ленка — шлюха.
Леночка, Лена, лето во всю длину —
небо на ниточке, ниточка на запястье —
пенится, плещется, помнит тебя одну
за красоту какую, какое счастье?

Это время окрашено белым,
чтобы перебороть пустоту,
набери мне сто писем пробелом,
я их после тебе перечту.
Мы по тысяче роликов снимем:
ничего не понятно и смех.
Это время окрашено синим,
будто неба хватило на всех.
Вот такая картинка в раскраске:
бухта, горы и каменный пляж.
Каждый день завершается красным.
Время сохнет, его макияж
примелькался, и, так, между делом,
навевает на жителей грусть.
Набери мне сто писем пробелом,
я их выучу все наизусть.

Поэты пьют, питая миф,
но иногда, собравшись вместе,
свои стихи, глаза закрыв,
читают, лет уже как двести,

и даже больше. Рождество,
предновогодняя тусовка.
Из смертных в зале — никого.
Очередной пророк в кроссовках

слова роняет в микрофон,
как будто лишние детали.
И длится долгий зимний сон.
Скажи, зачем они читают?

Сосредоточенно, всерьёз,
под бутафорской стоя аркой...
Неужто ждут, что Дед Мороз
подарит им потом подарки?

Александр Самойлов

Родился в 1973 г. в Челябинске. Окончил Литературный институт имени М. Горького (2003). Публиковался в газете «Уральская новь», поэтическом сборнике «Среда» (Челябинск, 1996), журнале «Знамя». Участник первого тома «Антологии современной уральской поэзии» в составе группы «Среда». Живёт в Челябинске.

Элегия

Попав сюда как никогда случайно,
ты медленно проходишь вдоль оград,
поверх которых на тебя глядят
глаза, опустошающие тайной.
Здесь люди, незнакомые тебе,
своих знакомых тихо хоронили.
Прочти одну из неземных фамилий,
кто тотчас же откликнется тебе?
Не я. Я жив. Я говорю с тобой
и обращаю общее вниманье
на тишину, похожую на знание,
на жизни, непохожие на бой.
И понял ты, что нечего пенять
на этот мир, обманчивый и зыбкий?
Что, улыбаясь странною улыбкой,
ты вряд ли в силах челюсти разжать?
Ты выйдешь к дому. Ты откроешь дверь.
Ты встанешь на пороге. Ты услышишь,
что боль твоя совсем не стала тише,
но не её ты слушаешь теперь.

Река Миасс хранит всех нас
От злых поводырей,
По ней поплывших в стиле брасс
И утонувших в ней.

Лишь по ночам они, бренча
Костяшками судьбы,
Выходят строем на причал,
Как будто по грибы.

Как тридцать три богатыря,
Сочащиеся мглой,
Идут и тень нетопыря
Несут перед собой.

Кем я был года три назад?
Шарил я по бачкам бычки,
А теперь я ем мармелад,
Дорогие ношу значки.

Я тогда угрюмо молчал,
Говорил только сам с собой,
А сегодня огромный зал
Повторяет слова за мной.

Ну и молод же был я тогда,
И, хоть все еще не старичок,
Иногда помяну те года,
Глядя на потолок. На крючок.

Зима

Он прошел сквозь сумасшедшие дома,
супермаркеты, гостиницы и осень
поциентом, покупателем и гостем,
а сегодня перед ним молчит зима.
Где повсюду воцарился страшным сном
цвет бумаги, там нельзя иначе:
он представился воистину незрячим
и прибавил неуменье, как число.
В самом деле он не видит ни черта,
но его встречают, как родного,
и его приветственное слово
закипает пеною у рта.

Сосед

Сосед зашился на два года,
и мы теперь спокойно спим.
Не слышим этого уroda
и в ночь сквозь стекла не глядим
А там все так же ветер воет,
а там все тот же дождь идет,
и не известно что такое
чернильной радугой встает.

Женщина

Ты послушай женщину простую:
я стояла в транспорте всю жизнь,
я всю жизнь работала в ночную,
я с уродами жила всю жизнь.
Мне уже давно повсюду тесно,
так послушай, что я говорю:
если ты мне не уступишь место,
я тебе хлебало разобью.

Андрей Симонов

Запары тебе на закуску
Чужие сплетни и пьяные выходки
Жизнь размалеванная как проститутка
Дает прикурить, обжигаю фильтр
И черти пока лишь щекотят
Готовятся вилы воткнуть в твою задницу
Я вышел смотреть на восход из компании
Где одни наркоманы и пьяницы
В усердном и праведном поиске
Играют по пьяне блевоту русского рока
А я танцую на пепелище, словно
Купаться в саже моя работа

Анна Опутина

Плоды

Посади у своего дома дерево,
вырасти его,
поливая любовью
и прочими удобрениями.
Но не ищи виновных,
когда твой маленький сын
однажды по осени
отравится единственным фруктом
с этого дерева.
Тебе никто не обещал,
что плоды твоей внутренней зрелости
придуться тебе по вкусу.

Андрей Лапицкий

Лапицкий Андрей. Родился в 1990 году в Перми. Детские и школьные годы провёл в г. Красновишерске. Окончил Химико-технологический факультет Пермского политеха. Участник литературной студии «Альбатрос». Лауреат конкурсов «Проба пера», «Узнай поэта», XII литературного форума им.Н.С.Гумилёва «Осиянное слово», победитель и призёр пермских поэтических слэмов. Публиковался в литературных журналах «Вещь» (Пермь), «Апостол» (Киев). Живёт в Перми.

Если взять — и тихонечко выйти во двор
среди ночи печальной и гулкой,
перелезть через старый корявый забор
и уйти в глубину переулка,
можно краешком уха услышать рассвет,
меж деревьев крадущийся где-то,
паучков копошение в черной траве,
шепот тлеющей сигареты
и дыхание спящей безликой судьбы,
от которой мурашки по коже,
от которой из пней вырастают грибы,
как гусарские шпаги из ножен,
но которая так же, как ты, хороша,
и сошла бы тебе за невесту,
стала б каждую осень тоскливо рожать
непонятных детей бессловесных.
Ты бы с ними, нелепый, лежал на печи
и смотрел, как слезает побелка
с потолка и со стен... Есть полсотни причин
избежать этой пакостной сделки.
И поэтому ты, возвращаясь домой,
задержись, закурив сигарету, —
взгромоздись на забор, что-то тихое пой,
наблюдая начало рассвета.

Якорь

Поднимаясь вверх по трапу
На сверкающий корабль,
Ты сними с груди свой крестик
И сожми его в ладони,
Чтоб теплом согреть телесным.
Пусть тебя никто не тронет —
Защитит тебя твой крестик
В поднебесной. Якорь, в море
Плавно, мерно опускаясь,
Тонет в медленной пучине,
И на дно ложась послушно,
Ждет, пока упругим звоном
Цепь его натянет сверху —
И в железном черном сердце
Что-то дрогнет, колыхнется.
Он поднимется, окрестит
Под протяжный вопль корабль.
И родной отнимет берег,
Оторвет от мест любимых
Мощь железного винта...
Подними меня из бездны.
Я твой якорь. Я твой крестик.
Пусть он грудь твою окрестит...
И тогда уж с Богом! В путь!

Нина Александрова

Родилась в Челябинске. Окончила филологический факультет Уральского федерального университета. Занимается рекламой и IT. Печаталась в журналах «Урал», «Нева», «Новая Юность», «Слово/Word», альманахах «Ликбез», «Красными буквами», «Василиск». Автор книги стихов «Небесное погребение» (2014). Лонг-листер премии «Русского Гулливера». Победитель конкурса имени Бродского в номинации «Элегия». Стипендиат Министерства культуры Свердловской области. Лауреат премии им. П. П. Бажова.

Тибетский монах — улыбчивый старик
в джинсах и толстовке с мультяшным
принтом

Сидит во франкфуртском аэропорту,
В ногах — большая картонная коробка
Ничего ценного: сменная одежда и книги.
У монаха запущенный костный
туберкулез —

когда опухают суставы
и почти невозможно ходить
Его европейские ученики
собрали деньги, нашли место в госпитале
и теперь везут учителя
в Германию на операцию
Монах сидит в зале ожидания,
Листает журнал «Newsweek», улыбается
Выглядит вполне довольным,
Разве что не болтает ногами
Вдруг какой-то парень, один из тех,
Что вечно толкуются в аэропортах,
Бросается к старику,
Хватает коробку с вещами,
Бежит.

Старый монах, с трудом поднявшись,
Семенит за воришкой,
Кричит ему вслед

Что-то гортанное по-тибетски.
Парень с коробкой не оборачивается,
Бежит, быстро, легко, грациозно,
Поскальзывается на мытом полу,
Но не падает.
Он не понимает тибетского,
И потому никогда не узнает,
Что смешной старичок кричал ему вслед
Не «держи вора» или «верни коробку»,
А всего лишь «пожалуйста, прими мой
подарок»

Михаил Куимов

Родился в 1993 году в Соликамске. После окончания школы поступил на геологический факультет ПГУ, получил диплом по специальности «Геофизик». Серьезно начал сочинять стихи в 2012–2013 годах. В 2013 году записал сольный рок-альбом. Стихи публиковались в журнале «Вещь». Лауреат краевых конкурсов, победитель пермского поэтического слэма 2014 года. Участник всероссийского поэтического слэма. Живет в Соликамске. Женат.

Я увидел закат в сигарете,
Облака, производственный дым.
Мы с тобой потерялись навеки,
Как положено людям простым.
И как компас в магнитные бури,
Врём без краски, нижайших опроб.
И пускаем последнюю пулю
Между глаз, в обморщенный лоб.

Утро станет ударом в затылок,
Если сны целовали взасос,
Ночь качала гирлянды прожилок
Ныне несуществующих звёзд.

Этот город двоих не придушит:
Он — притвора — блефует и врёт.
Лишь страшит куполами церквушек,
Но к часовне нас не подведёт.

Третьи сутки дожди. Старый тополь
Разливает по рюмкам бурбон.
Посмотри, как в скорбящий Некрополь
Обращается мой Вавилон.

Уцелевшим награды не надо,
А почившим — сосной об сову.
Третью ночь снится мне небострада,
Как бросаем у дома траву,

Как садимся в летучий корабль,
И он мчит непонятно куда —
Мимо лун, астероидных сабель —
В неизвестные всем города.

Слёзы — спутники всех изменений,
Не на радости, не на беду.
Вскрою двери других измерений —
И тебя за собой уведу.

Хлопая глазами, просыпалось утро,
Гладкою ладонью потирало лоб.
Солнце в одеяле цвета перламутра
На тебя смотрело через телескоп.

Ласковый мой ангел, спи еще немного.
Подождёт работа, подождут дела.
Если нам предвещена дальняя дорога,
Я хочу, чтоб доброй к нам она была.

Детский двор

Ты помнишь детский двор? Берёзы, две
рябины,
Скрипучие качели да стол для домино.
И где это сейчас? В затерянных глубинах,
Которые постигнуть нам больше не дано.

А помнишь ту игру, придуманную нами?
Я знаю — та игра в почёте до сих пор.
Со всех сторон наш двор был окружен
домами,
И всем тогда казалось, что выше них — нет
гор.

Теперь стоянка в нём, везде автомобили,
Убрали стол, берёзы спилили у корней.
Как будто никогда мы там с тобой не жили.
Остались лишь рябины — одна другой
красней.

Одним из смертных, лучше не сказал бы.
У центра пустовала церковь. Залпы
Беззвучия взрывали её купол,
Бездушием в той мере домик кукол
Заполнен как. И звезды, словно грозди.
И ночь вбивает в крест кривые гвозди.

М.В.

Цивилизация

У центра пустовала церковь. Речка
Текла с востока, тихая, как речь, как
Несмелый голос прошлого, утрату
Оплакивая. Посмотри на карту.
О, городок! Музей миниатюр! Мы
Глядим на север: видим лес и тюрьмы;
Глядим на юг, в гряде солеотвала:
Едва пространства. Потому нам мало
В нём воздуха. И времени. У центра
Пустует церковь, видимо, уценка
В отсутствии ширин и длин, высоток.
Пейзаж больнее, чем удар в висок. Так
Не помогают глазу сон и бренди,
Услышанные краем уха бредни
Под узким, как растяжка, небом. Запад
Пылал закатом. Всем привычный запах
Витал над площадью автовокзала.
Никто не замечал, как угасала
Цивилизация. Скамейки сквера,
Что зубы старика. Кончалась эра.
Ничто не сохранить. Ограды прутья
Не сберегут от вечности. Не будь я

Юлия Балабанова

Юлия Сергеевна Балабанова, родилась в городе Пермь (РФ) 22 июня 1979 года. С детства увлекалась современной поэзией, музыкой, с 14 лет начала писать собственные стихи. Окончила музыкальную школу по классу домры. В качестве солистки и автора песен участвовала в студенческих рок— и фолк-коллективах («Bravis», «СИАМ» и др.). Впоследствии перешла к сольному формату выступлений на квартирных или камерных зальных концертах. Окончила филологический факультет ПГУ. В 2000 году пришла на местное телевидение, создала ряд авторских телепрограмм, в том числе посвященных и современной авторской песне. Вместе с Сергеем Назаровым вела «бардовский» проект «Поговорим за жизнь» на радио «Ностальжи». Концертные записи песен вышли на диске «Ощущение времени» из серии «Мемуары Пермского бард-кафе». Лауреат нескольких региональных и всероссийских фестивалей авторской песни, в том числе: «Второй канал фестиваля АП им. Грушина» (2002 г.), «Гринландия» (Киров, 2001 г.), «Петербургский аккорд» (финалист, 2006 год). В 2013 году стала лауреатом Грушинского фестиваля в номинации «Автор». В 2015 году получила Гран-при Всероссийского поэтического конкурса им. Александра Башлачева и вошла в лонг-лист Волошинского поэтического конкурса. Публикации: журнал «День и ночь», альманах «Илья», газета «Свежак».

На елке умер космонавт.
Никто той смерти не заметил.
Вокруг все так же пели дети,
Печальной тайны не узнав.

Все так же топали не в такт
Для гримированного деда,
Не ведая, что в ветках где-то
Простился с жизнью космонавт.

Все так же из папье-маше
Его пустая оболочка
Болталась на кривом крючочке.
Души в ней не было уже.

Кто знает, сколько прожил он —
Пятнадцать лет, а может, десять.
И все — то снимут, то повесят —
Дурной однообразный сон.

Наступит утро. Пестрый хлам
Разложат в пыльные коробки.
Его душа по снежной тропке
Уйдет к неведомым мирам.

Когда же через год опять
Завхоз на свет его достанет,
То почему-то вдруг не станет
Им больше елку украшать.

Отец

Отец перестал различать голоса
А лица давно перестал
Сидит он над книгой четыре часа
Не перевернув и листа

Отец мой идет коридором большим
И все не кончается он

А мы словно тени цветные спешим
В его затянувшийся сон

Отец мой уходит не сразу, не весь
Куда торопиться ему
Он видит отсюда сквозь памяти взвесь
Свою недалекую тьму

Не очень здоровый, не очень живой
Но вот же за книгой с утра
Ах, папа, да книга-то вниз головой —
Вздыхнет сокрушенно сестра

Достанет с колен, не задев старика
Положит опять под рукав
Рука приподнимет страницу — и вот
Тихонечко перевернет

Сон

Всё снится дом на берегу реки.
В широких окнах — зелено и сине.
Там в комнатах такие уголки,
Где новостей не слышали в помине.

Там всё — всегда. Комоды и фарфор,
Сквозняк, и кружева, и звон в буфете
От дальних поездов. И я, как вор,
Ступающий по трещинкам в паркете,

Присматриваю лакомый кусок
От этого затерянного рая,
Где ягоды пускают сладкий сок,
На синем блюде красками играя.

Снаружи вьется дикий виноград,
На пестрых половицах солнце млеет,
Хрустальный шарик в тысячу карат
Из-под духов в руке моей теплеет.

Но, ничего не взяв, тот дом во сне
Я покидаю, мой уход неслышен.
Из всех сокровищ остается мне
Лишь запах. Старых книг и свежих вишен.

Константин Комаров

Константин Маркович Комаров. Родился в 1988 году в Свердловске. Поэт, литературный критик, литературовед. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук (тема диссертации — «Текстуализация телесности в послереволюционных поэмах В. В. Маяковского»). Автор литературно-критических статей в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Лонг-листер (2010) и финалист (2013, 2014) премии «Дебют» в номинации «эссеистика». Лонг-листер поэтических премий «Белла» (2014, 2015), «Новый звук» (2014), призер поэтических конкурсов «Критерии свободы» (2014), «Мыслящий тростник» (2014). Участник Форума молодых писателей России и стран СНГ в Липках (2010, 2011, 2012, 2014, 2015). Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Урал», «Гвидеон», «Нева», «Новая Юность», «Волга», «Бельские просторы», «День и ночь», различных сборниках и альманахах, на сетевом портале «Мегалит», в антологии «Современная уральская поэзия» и др. Автор нескольких книг стихов. Участник и лауреат нескольких поэтических фестивалей. Живёт и работает в Екатеринбурге.

Девятое. Январь. Бескровная суббота,
Гапона не видать, зато гопов полно.
Трезвеет русский люд, уже грядёт работа
и на пустынный мир распахнуто окно.
Летит ленивый снег на игровое поле,
и остывает чай на выцветшем столе.
Чего-то в жизни я, наверно, недопонял,
раз бедный разум мой заходит в мгле.
Чего-то не прочёл в тяжелых умных книгах,
чего-то не узнал о скорби и вине,
иначе б уловил в своих похмельных криках
тот шёпот, что сейчас расходится по мне,
как краска по воде, как дым по горизонту,
как звуки — по словам, по мышцам —
паралич
но бесполезны все последние резоны,
как в одинокий пруд заброшенный кирпич.
Открыт угарный газ сравнений и метафор
и надышавшись им, ты можешь лишь одно:

с помятой койки встать, засунуть ногу
в тапок
и завершить себя, не выходя в окно.
Не страшно умереть, но страшно, умирая,
отдать себе отчёт, что не сошёл с нуля.
За первую волной всегда идёт вторая.
Даст бог, я буду здесь к началу февраля.

Завершившие дело часы
прячут стрелки, как ствол в кобуру.
Дни скулят, как побитые псы
и хромают в свою конуру,
где их ждёт невесомая кость,
педигри и другая фигня.
Сновидений серебряный гвоздь
ночь по шляпку вбивает в меня.

Прячет тайны сознания тайга,
как кладовка — печальных детей.
А проснешься — сплошные снега,
ежедневны, как постриг ногтей.

И опять гиблой жизни не скрывать,
словно скатерть — за край со стола.
Так перо псевдоангельских крыл
с голубиною лётся крыла.

Так за князем шатается казнь
и резиною пахнет резня.
Боже мой, только смертью не крась
этот утренний новый сквозняк...

* * *

Холодным ветром воздух сгорблен
и убеждать — тяжёлый труд
себя в том, что дороги скорби
к чертогам радости ведут:
неубедительно выходит,
сопротивляются мозги.
В пустом подземном переходе
играет нищий без ноги.
Играет на губной гармошке,
примёрзшей намертво к губам,
как будто просит он морошки,
как Пушкин, побывавший там.
И чуточку вокруг теплеет,
на градус, может, или два,
и зёрна отделять от плевел
вдруг начинает голова.
И сквозь настил дорожной соли
вдруг пробиваются цветы.
Никто другой так не способен
услышать музыку как ты.
Теперь становится понятно,
что эта боль не навсегда.
Цвети, январская поляна,
гори, далекая звезда!
И пахни зимний мир полынью
и снег полуночный — скрипи!
Не позволяй душе унынья.
Усни и спи. Усни и спи.

* * *

Однажды мы проснёмся утром,
возможно, в домике с трубой,
в пространстве правильном и мудром,
перемешавшем нас с тобой.

И ты расскажешь мне подробно,
не упустивши ни аза
о том, что видят исподлобья
твои пытливые глаза,

куда счастливая монетка
вчера пропала без следа
и кто этот нектарный некто,
определивший нас сюда,

и что нас раньше отделяло,
и как объединило нас
одно большое одеяло —
широкое, как парафраз.

И в рамках сумрачного жанра,
в который вписан этот стих,
без страха штампов и пожара
одну закурим на двоих.

И вспомним — были одиноки,
в воздушной прятались броне.
И страх, который эти строки
сейчас нашёптывает мне.

* * *

Из дому выйдешь. Сквозь людей
пройдёшь — печальный и скуластый
и в магазине суперклея
приобретёшь. И склеишь лапы.

Смахнув слезинку со щеки,
густой щетиною обросшей,
наденешь вместо них коньки,
но сразу же и их отбросишь.

И, наплевав на дождь и град,
на снегопад и зной палящий,

не в нарды, не в футбол играть
отправишься, а сразу — в ящик.

И выиграешь право петь —
немного глухо и капризно —
о том, как сложно умереть
в стране подобных эвфемизмов.

Но, приучивши карандаш
к недолговечному покою,
возьмёшь себе и дуба дашь
над недописанной строкою.

Взгляни на меня: я все тот же мальчишка,
почти ничего не постигший умом,
а ты все напротив сидишь и молчишь, как
молчало бы только молчанье само.

Я так не умею, мне слово щекочет
уставшее горло и губы дерет,
твоя тишина оселком его точит
и ножиком метким бросает вперед.

А в парке светло и деревья в зеленом
и также, как раньше, не хочется врать,
а мальчик на девочку смотрит влюблено,
а девочка пуделя хочет поймать.

И мне бы хотелось пинать этот гравий
и думать стихи, чтоб и вечность твою,
и пуделя с девочкой прочно в них вплавить,
и парня, в котором себя узнаю.

Пока я избалован глупой надеждой,
пока я чугунную гирию пилую,
я верю и пусть я останусь невеждой:
так долго молчат лишь для слова...

Тонким-тонким порезом,
будто бы от осоки,
дым проходит по рельсам
золотым и высоким,

и умчавшийся поезд
не вернётся обратно.
Мир — беззлобен и порист —
устоит, вероятно,

оттого, что, рифмуя
эти строки беспечно,
твоего поцелуя
буду ждать бесконечно.

Артем Носков

Родился в 1989 г. в Свердловске. Стихи писать начал в 14 лет, регулярно и в стол. Окончил УГТУ-УПИ по специальности «Инженер-теплотехник». Участник проекта «Чтецы». На фестивале «Компрос» победил в конкурсе «Бумажный ангел» и «Шоу неизданных книг». При поддержке фестиваля вышла книга «Муравьиная дробь», Пермь, 2015.

Как Бог рождается в изгибах
Асимметричного лица,
И разговорчивая рыба
Поэтов ловит на живца,
Как убегая из Содома
На дочерей взирает Лот,
Как линии моей ладони
На перекрестье держат лоб,
Как лодка дремлет на безводье,
Не помня вёсел и гребцов,
И улыбается поводьям
Твоё красивое лицо,
Так баюны твоих историй
Всё ходят по цепи кругом,
И утопает в мёртвом море
Животрепещущий Содом.

Ты чувствуешь нутром движение нутра,
И выдыхаешь ртом надрывный скрип
качелей.
Где Логос мимо нас и голос мимо рта,
Где прямо за стеклом глаза остекленели.

Твой город сохранит студёное нутро,
Прохладу пустоты в отверстии скворечном.
Ты падаешь на снег. Снег падает в метро.
Вы едете вдвоём, конечно, до конечной.

Бежит будильник по руке —
Петух в смирительной рубашке.
Как перед дьяволом монашки,
Кричат чайники в кипятке.
Я слышу: пыль, как снег идёт,
По полкам жадно и довольно,
Как отрывается по полной
От старой книги переплёт.
Как дождь смеётся над цветком,
Умершим от столетней жажды,
Как воскресённый за ночь дважды,
Вновь умирает телефон.
Мой дом — предатель и стукач,
Худой, как короб из-под спичек.
В какой угодно из всех нычек
Себя в отчаяньи ни спрячь,
Не выйдет скрыться от него...
Господь, ты слишком громко дышишь.
Прошу, заставь меня не слышать
Ничего.

* * *

Ребёнок знает, как близки буйки,
И потому за них не заплывает.
Как крылья баснословно высоки,
Напоминая облака Синая.
Ребёнок понимает, что в кровать
Ложатся только ложные обиды,
И потому ложится умирать
Ежевечерне в пелену планиды.
А значит не боится темноты,
Как не боится, стало быть, и смерти.
Он видит, как на красные кресты
Садятся ангелы, спокойные как черти.
Ребёнок спит над тенью голубой,
Напоминая облако Синая.
И в ямочке над верхнюю губой
Он прячет то, чего сам бог не знает.

* * *

Незима, небелёдые сосны.
Неразмотанный бабкой клубок.
Ты спускаешься не под откос и
Не себя волочишь в уголок.
Поминая кого-то некстати,
Замираешь, и видишь сквозь снег,
Как на панцирной голой кровати
Одиночество стонет во сне,
И зимует внутри, и зимает,
И кусает обветренный рот.
Слышишь, ветер в соломе играет,
И собака не спит у ворот.

Кирилл Азерный

Родился в 1990 году в Свердловске. Окончил романо-германское отделение филологического факультета Уральского Федерального университета и магистратуру по зарубежной литературе в том же университете. Живет в Екатеринбурге, работает преподавателем английского языка в лицее при Уральском федеральном университете.

Пишет стихи и прозу с 15 лет. Своими учителями в литературе считает Д. Джойса, М. Пруста, В. Набокова, Ю. Кокошко. Своими единомышленниками в литературе считает Руслана Комадея, Елизавету Шершневу, Андрея Башаримова.

Первая публикация состоялась в журнале «Урал» в 2012 году. Лауреат премии губернатора Свердловской области (2014). В 2015 году вошел в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «малая проза» с рассказом «Беспечность».

Мячик в мячике отзвучит,
мальчик в мальчике замолчит,
спустит на воду меч и щит:
он узнал — смерти нет, почти;

просто вечности вещество,
просто кто-то, кому пора,
мутит что-то из ничего,
варит кашу из топора;

капля в воздухе: невесом,
гвоздь слезы на морской воде,
я его нахожу во всем,
и теряю его везде

Слепого поддержи сверчка
над гладью полотняной, тишью
безвременной, а я пока
тебе эмблему жизни вышью

от сердца справа, где легко
стрела из кровавого лука
летит, без мысли и без звука,
домой — в слепое молоко

Все забудут, а ты не забудь:
всё касается этого света.
Солью крови пропитана грудь
у земли, вспоминающей лето;

опалённые листья соврнут,
и расскажут: во тьме то и дело
по моде последних минут
офицер одевается белый;

ничего не останется от
этой тьмы — потерпи две минуты,
никуда не девается лёд
от воды — отраженья и мути;

это сумрак выходит из леса
к деревянному домику, стой,
это смерть — одноактная пьеса,
просто птичка из камеры злой;

это палец болит безымянный,
деревянный, железный, чужой,
где ни ангела, ни обезьяны
у тебя на планете большой;

день впадёт в невесёлое детство,
кто-то смерти закроет глаза,
соль останется — верное средство:
слепоту подпирает слеза

Не соберёшь крох
этих — себе в горсть.
Ветер — сплошной вдох,
ты на земле — гость;

у полноты — слов
тихий лесной сруб;
у тишины — шов
в форме твоих губ

Зима с утра в окне просторном
дымит, как сигарета, тля;
умоешься водою чёрной —
и станет на душе светлее;

в просторном зимнем мироздании
распутицу таит распутье:
ты называешь это данью,
я называю это сутью;

кто говорит, что мы в ответе
за мир, собою сам творимый?
От слякоти родятся дети:
подснежники и херувимы...

умоешь руки в чёрном мыле —
и слякоти как не бывало;
мы, не поверишь, всё же были,
хоть значили преступно мало...

не поминая зиму лихом,
помиришься под вечер с нею,
умоешься молитвой тихой,
и станет на душе светлее...

Не ты, не я расставил сети,
Не мы себя прибили к краю,
Но в диалоге кто-то третий
Рождается, не умирая,

Когда я ночью жду того, чьё
Сиянее сильнее ночи,
И вижу нас с тобой воочью
Оттуда, где усталый зодчий

Окну допиливает раму,
И на узоре витража
След оставляет, чтобы там, у
Последнего, у рубежа

Мы поняли, и всё простили
Друг другу, ну и враг — врагу,
Чтобы последнего усилъя
Не проворонили. Смогу —

И пронесу туда, где слово
Встречает тишину сплошную,
Боль, счастье, и себя живого,
Боль счастья, и тебя живую

Ты задыхаешься во взвеси
времен, упущенных, как поезд:
в известняке не слышно вести,
гул к нам доходит, успокоясь;
он оглушитель, как снег,
он мир являет белой голью —

из белизны многоугольной
в побеге явственен — побег;
и ветка убежит туда,
где мир пестрит, густой и цепкий,
где свет царит. И контур ветки,
гляди, исчезнет навсегда.

* * *

Вода, прозрачная от века, —
водою или паром выйдет.
Не жди от времени ответа:
оно тебя в упор не видит;
вода водою в воду канет —
такой исход для нас не нов,
и солнце прозвенит в стакане,
его заполнив до краёв.

* * *

Вот ночь. И тьмою законной
Сомкнулся твой далекий свет;
Я в этом полдне незаконно,
Меня на этом свете нет;

Глазами дальнего ребенка,
Огнями городской зимы,
Горит засвеченная пленка
Сырой послезакатной тьмы;

Вид из окошка постоянный
Горит фонарным полотном,
И дышишь ты за океаном,
Как ветер дышит за окном;

А горизонта холст бетонный
И черные немые льды —
Напоминают эти тонны
Океанической воды;

И, иконическим безмолвьем
Все мысль куда-то уводя —
Напоминают эти волны,
Живые, как судьба моя.

Марат Багаутдинов

Родился в 1984 году в Ижевске. Окончил Ижевскую государственную медицинскую академию (2007) и аспирантуру на кафедре патологической физиологии (2011). Учился также в Литературном институте им А. М. Горького (2004/2005, семинар поэзии Г. И. Седых) и Институте экономики и управления Удмуртского государственного университета (2012/2013).

Живет в Ижевске, работает заведующим отделением Республиканской клинической психиатрической больницы. Первая публикация состоялась в литературном журнале «Луч» (Ижевск) в 2004 году. Входил в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» в 2004, 2009 и 2012 годах.

Новогодние сны

*Скучаем, время не торопя,
И каждый третий — уже отец,
И каждый первый — ушел в себя.
А детство кончилось. Все...*

Я разменивал дни на таблетки и сны,
От которых теперь не сбежать, не уйти,
От которых теперь в моем доме тесны
Коридоры. По праздникам давит в груди.
Дед Мороз, он приходит обычно к другим.
И в мешке его чудо пропахло вином.
Только грохот петарды, шампанского дым
Заставляет загадывать всем существом
Чтобы старая жизнь да на правильный лад.
С новым боем курантов все более ждет...

Я желаю, чтоб время помчалось назад.
Чтобы каждый удар отмотал один год.
До чудесной и, вроде, счастливой поры.
Где никто не стоит над дырявой душой...

Я пойду этой ночью кататься с горы.
Мне же скоро одиннадцать, я же большой.
Забери меня, мама, в наш старенький дом,
Где сегодня не надо ложится в кровать,

Где красавица-елочка вся серебром
Разгорается. Ей до весны догорать.
До весны не сгореть бы. Дожить до весны.
Антидот неизвестен. Хотя бы запей...
Я разменивал дни на таблетки и сны.
Новый год. Пусть он будет немного теплей.

Сказка

*Все, что уже случилось — не спеши
Забывать. Что не случилось хороня,
Полюбишь каждой ниточкой души
Огромный мир. В котором нет меня.*

Я расскажу тебе сказку о царстве далеком,
Где ритуалы забыты и кладбища тоже.
Может, не будешь сегодня бродить одиноко,
Горем глаза прожигая случайным
прохожим.

Я расскажу тебе сказку. Тебя не хватает
На расстоянья, на боль расставаний
навечно.

В сказочный мир, как на месяц назад,
улетая,

Ты не сорвешься. Проверено. Сверено.
Вечер.
Я расскажу тебе сказку. Закройся!
Не слушай!!!
Так не бывает! Не верь, мы с тобою не дети...

Выйди во двор. Посмотри, — отражается
в луже * * *
Город без кладбищ. Один на огромной
планете.
Я расскажу тебе сказку в преддверии ночи.
Смысл ее, как ботинок, потерт и потаскан.
Слушаешь?
Слышишь?
Скучаешь?
Ты справишься!
Хочешь,
Я расскажу тебе самую добрую сказку.

Облаками

*Позвонишь, по привычке пытаешься молчать,
Я узнаю, и ты не молчи. Не молчи...
Расскажи, как антарктикой стала кровать
И душа огоньком поминальной свечи.*

Эля, ты стала облаком?
Или ты им не стала?
Борис Рыжий

Слушай меня ушами, — ты стала небом.
Можешь смотреть на землю и плакать часто.
Все как и раньше. Синий платок из крепа
Скроет тебя от самых земных напастей.
Вечер индустриальный окутай взглядом,
Свой опустевший дом обними руками.
Чтоб не сорваться в горе, поверить надо,
Люди порой становятся облаками.
Люди порой собой рассекают крыши.
Разные люди из однородных линий...

Слепой художник небом тебя напишет.
Он двадцать лет рисует одним лишь синим.
Глухой поэт напишет тебя стихами.
Он двадцать лет назад потерял чернила
(украл художник). Ныне в оконной раме —
Слова, пока стекло не совсем остыло...

Мир покорит художник своим портретом,
Если поэт чернила свои отыщет.
Ставшие небом кажутся им при этом
Будто живыми. Только немного выше.

* * *
Черно-белая память безмерна —
Замыкаются судьбы кольцом.
Вот и мама с лицом Анны Герман,
С молодым и прекрасным лицом.

Знаю, старость случается с теми,
В ком огромны объемы души.
Бесшабашное, глупое время,
Ну куда ты? Постой, не спеши.

Только смотрит с плаката рекламы,
Обреченная быть молодой,
Анна Герман с лицом моей мамы
И с такой же нелегкой судьбой.

* * *

Мальчик вырос.
Мальчику двадцать лет.
У него ни гроша за душой нет.
Мертвецы пристали к его ушам.
Посмотри — глаза поменяли цвет,
И мышино-серая в них душа.

Убоги и однобоки
Бьют по спине упреки.

Мальчик вырос.
Вот и двадцать один.
Уберите воздух — есть никотин.
Уберите землю — есть алкоголь.
Безымянный, новый, слепой кретин —
Человек-собака-логин-пароль.

Да ты подойди, не трусь.
Я тоже тебя боюсь.

Мальчик вырос.
 Мальчику двадцать два.
 У него в карманах слова, слова...
 В рюкзаке скучает печальный Гроф,
 Постоянно курящая голова.
 И мертвы герои его стихов.

Эй, люди из первой лиги,
 А вам посвящали книги?

Мальчик вырос.
 Мальчику двадцать три.
 Разобрался, что у людей внутри.
 Есть на то бумага, на ней — печать.
 Но пока не поздно — следи, смотри —
 С этим гнусным типом пора кончать.

Вот и текст — откровенный бред.
 Про меня здесь ни строчки нет.

Мальчик вырос.
 Двадцать какой-то год.
 Отпустил и бороду и живот.
 Открывает двери всегда ногой.
 От того отеки, да обувь жмет.
 И кому он нужен теперь такой?

Канатоходец

Запутываясь в нитях равновесий,
 Канатоходец, выбившись из сил,
 Под купол цирковой себя повесил.
 Весь мир в ногах, как обувь, — износил.

Глядит вперед, как будто не боится.
 Канат как будто соткан из свобод.
 А зрители, размазав страх по лицам,
 С надеждой ждут, когда он упадет.
 Факир сожрал почтовых голубей...
 Ребенок запускает самолетик...
 Бумажный, самый прочный самолетик.

«Прости бумагу — не стерпелось ей.
 Распотроши очередную высь...
 Но не сорвись. Ты только не сорвись.
 Вниз не смотри, глаза не закрывай.
 Тех, кто сорвется, — не пускают в рай.

Ты подожди, я подрасту — потом
 На радость всем — мы вместе упадем».

Воздушные шары

Сколько шаров нападало с потолка!
 Здравствуйте, милый,
 Гуманный до слез — приют.
 Будем смеяться.
 Кричать.
 Танцевать.
 Пока...
 Эти шары однажды тебя убьют.

Старая женщина гладит мою ладонь.
 Смерть, да куда ж ты лезешь? А ну, не тронь!
 Видишь, от равнодушья запал живот.
 Смерть, уходи. Полно без тебя хлопот.
 Ты же боишься мутных от боли глаз.
 Старая женщина плачет в последний раз.

Господи, как же все вокруг хороши!!!
 Сколько шаров в объеме одной души!!!
 Господи, что же творится у нас внутри!!!
 Что же ты делаешь, Господи, — посмотри.

Из цикла «Янкины стихи»

Тобой

Снегом покрытый город. Тобой белой
 Небо ложится. Нотами по асфальту
 Память стреляет. Помнишь, когда-то пела
 Грустные песни мягким своим контральто.

Свет фонаря тобой неизменно рыжей
 Напоминает, кто в этой книге Мастер,
 Кто просто так, с утра прогуляться вышел...
 Люди не часто прокляты словом «счастье».

Ветер твоим дыханьем, уже холодным,
 С севера дует — жесткий и злой — такой же.

Знаешь, сегодня стало ужасно модно
Думать тобою, жить и, пожалуй, больше.

Раннее утро. Дворники одиноки
Ибо суббота. Солнце идет на вынос...
Ближе уже не будет. И пусть дороги
Тысячекратно множат тебя на минус.

Положено

Ну, здравствуй, приведение родное,
Пришел, как по традиции, с отчетом.
Закроем дверь. Нас двое, только двое
И наплевать, что скоро на работу.
А год прошел. Я встретил человека,
Он знал тебя. Твердит, что ты святая
И плачет. Разбираю фонотеку
И тяжело (синдром начала мая).
Завел кота (практически чеширский),
Хотел приехать в гости (дали визу),
Но от Ижевска до Новосибирска
Немного больше, чем прыжок с карниза.
Пишу стихи. О том же (да и те же).
Пытаюсь жить смелее и дороже,
Но «только дождь вселенский нас утешит
И только страх реальный нам поможет».
Синоптики по радио сказали,
Сегодня будет мраморное небо.
А я пойду искать в оригинале
Твое лицо в тугом пространстве WEBa
Разбить себя на первое / второе
Так нелегко, но, кажется, просили...

Я старый мир когда-нибудь построю
И принесу его к твоей могиле.

Тимофей Беркутов

Фонарь разбитый, брошенный
Стоит под тополями,
Угрюмого прохожего
За ниточку подтянет.

А солнце грело весело
И ветерок под дышло,
А делать было нечего
И он в окошко вышел.

Шатался дождь по городу,
Людей попрятал в стены,
А дядька с беломориной
Прилёг, расправив вены.

От передоза корчилась
Сбежавшая невеста.
На городских окраинах
Одна и та же песня.

Фонарь разбитый, брошенный
Стоит под тополями,
Приконченных прохожих
К себе верёвкой тянет.

Кофе, чай, сигареты,
Плохой сон, хорошие книги.
Так сгорают часы до рассвета,
Так мечты превращаются в фиги.

Эта ночь кровостоком шевелится,
Догорает огнями вокзала.
Детство сдохло, мне больше не верится
В паруса чернОго корсара.

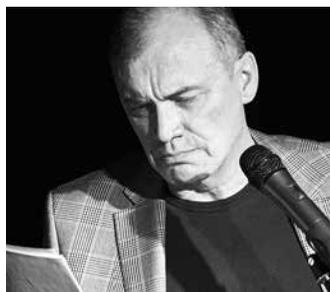
Эти звёзды купаются в озере,
Куда мёртвые журавли
Возвращаются пасмурной осенью,
Далеко от привычной земли.

И летят над бескрайними волнами,
Застревая порою на рее.
Эти птицы гораздо свободнее
Погребённой Гипербореи.

И за всем этим холодом кроется
Солнце дивное, печали неведомо.
Посмотрите в глаза мои, хлопцы,
Я ведь тоже мог сгнить под Терблигом.

Но пишу вам сейчас на пороге
(Как же пахнут железные рельсы!).
Там, где дом за спиной и где Родина
Прилипает к воротам Освенцима.

Виталий Кальпиди

Родился в 1957 г. в Челябинске. Жил в Перми, Свердловске, с 1990 г. снова в Челябинске. Публиковался в журналах «Урал», «Юность», «Знамя», «Литературная учеба», «Родник», «Лабиринт-Эксцентр», «Золотой век», «Воздух» и др. Автор и главный редактор многотомного проекта «Антология современной уральской поэзии», составитель, издатель и оформитель более 40 книг современной уральской литературы. Создатель и редактор журнала «Несовременные записки», ответственный секретарь журнала «Уральская новь». Лауреат премии им. Аполлона Григорьева, премии им. Б. Пастернака, Большой премии «Москва-Транзит» и др. Автор книг «Пласты» (1990), «Аутсайдеры-2» (1990), «Пятая книга и Верши для А.М.» (1993), «Мерцание» (1995), «Ресницы» (1997), «Запахи стыда» (1999), «Хакер» (2001), «Контрафакт» (2007). Стихи переведены на 15 языков. Живёт в Челябинске.

* * *

Тишина не умеет читать наши чистые лица,
но с висков научилась лизать истекающий
страх.
Вот слезу уколола упавшая с века ресница,
но не лопнула та в просолённых невидимых
швах.

Я все чаще флиртую с девицей по имени
Старость:
выбираю морщины на близкий уже
маскарад
(седину разобрали), пигментные пятна
остались
да огромные родинки в девять и боле карат.

Что я делаю в этом занюхо-залапанном
мире,
я не вспомнил пока, значит, рано еще
вспоминать
(испаряется яд на конце стародатской
рапиры,
а схвативший ее с вожделием смотрит
на мать).

Просыпаюсь в Челябе и нюхаю сладкую
осень,
наблюдаю, как иней становится жалостью
к нам,
кристаллической жалостью той, что мы
медленно просим
у невинных богов, потому что не верим
богам.

Надо мной небеса, а над ними прозрачная
тайна,
а над нею — кипящее озеро жидкой любви
испаряется вниз (а частицы его не случайно,
ослепленные зрением, в нашей очнутя
крови).

Жизнь не любит сюжетов, но держит, как
будто таблетку,
високосное время на липком своем языке,
набирая из черной реки в золотую пипетку
то тебя, то меня и, помедлив, обратно реке
возвращает нас брызгами, скажем не
к месту, салюта,
и, пока мы свершаем разъятый на капли полет

(что рассчитан по тяжести боли, а
не по минутам),
стоит просто свернуть свою кровь, и —
никто не умрет.

И прощаясь с землей, где по пояс стояли
в золе мы
(не во зле, а в золе — в этом главная,
кажется, суть),
я не прочь бы увидеть густое движение Евы,
увидать и запомнить, а память потом
зачеркнуть

Это жаркое лето, которое станет зимой,
беспардонно озвучило наше с тобою
молчанье.
Голоса, улетая на юг, где назойливый зной
их давно ожидает, останутс с нами
случайно.

Прибывает вода, прибывает большая вода,
скоро выйдут дожди разгибать свои
жидкие спины.
Ты, наверное, скоро умрёшь, но не бойся,
когда
это станет фрагментом почти очевидной
картины.

Ты, наверное, скоро умрёшь, я умру за тобой
через (страшно подумать) четырнадцать лет
или восемь,
и огромная память, покрытая страшной
водой,
воплотится — теперь уже точно —
в последнюю осень.

Будут хлопать, взрываясь, комки
пролетающих птиц,
отменив перспективу, себя горизонт
поломает,
и границами станет отсутствие всяких
границ,
и не станет тебя, потому что возьмёт и
не станет.

Ты красиво умрёшь, ты умрёшь у меня
на руках,
или нет — ты умрёшь на руках у другого
мужчины,
это он будет пить твой с лица истекающий
страх
три мгновения до и мгновение после
кончины.
Треск лесной паутины... по-моему, именно
он
воплотится в хрипение свечек
в побеленном храме,
где какие-то деньги шуршать не устанут
вдогон
мимолётным молитвам, которые будут
словами.

Будут камни лежать; их под кожей солёная
плоть —
кристаллический воздух для духов
подземного горя,
оним, видимо, нравится каменный воздух
молоть,
выдыхая остатки в пустыни песочного моря.

И, не зная зачем это всё я тебе говорю,
я тебе это всё говорю как нельзя
осторожно,
потому что умрёшь, потому что я песню пою,
потому что нельз это петь, но не петь
невозможно.

Я смотрю тебе в спину, которая движется
вдоль
засекреченной улицы в сторону грязного
рынка:
между тонких лопаток твоих начинается
соль,
поясню — продолжая нетвёрдую нежность
затылка,

ты идёшь не быстрее, чем я ухожу от тебя,
ты идёшь, отбиваясь ногами от собственной
тени,
ты идёшь по границе уже неземного огня,
напрягая колени...

Ярослава Широкова

Родилась в Нижнем Тагиле (1993), студентка филологического факультета Уральского педагогического университета. Публиковалась в журнале «Урал», альманахе «Красными буквами», антологии «Екатеринбург 20:30» и на портале «Мегалит». Автор книги стихов «Картон» (2013).

Ева

Вся превратилась в слух,
выпала из ребра,
запрчитала вслух,
зазеленев едва.
низменность головы
делает новый шаг.
дети твои больны,
муж у тебя дурак.
яблоко пополам
прячет убогий стыд
выдай звезду волхвам,
пусть и она сгорит.

Ты знаешь, такое утро,
Когда ни тебе, ни мне.
От холода поминутно
Копаем углы в огне.

А все дождевые тучи,
Растущие в водосток,
Нашли для себя: как лучше
Сворачивать на восток.

Как пульс оголяет горло
Своей кровавой рукой,

Мурашки вшивает в поры:
«А ты еще кто такой?»

Да книги копят на полках,
Таких населенных стен.
И кажется, что надолго,
Окажется — насовсем.

Алло

у меня новостей — что вишневых горстей
полтора кулака, да в пыли рука.
в спальне вчера обнищала постель
горькая, как мука

гнилых иллюстраций полны ярлыки
на давно нерабочем столе
алло, по подъездам парят бурлаки
каждый в своей дыре

цари огорошили променад,
словно кругом житьё
в трубах спивается аромат,
что за гнильё-моё

здесь вечереет электрошок
громкий вороний грай
перешитые губы мычат в мешок
отчего ты молчишь? Don tсry.

* * *

пока одета осень в облака
окраин, полногрудые мурашки
выпячивают сытые бока
под воротом учительской рубашки,

ты спишь на остановке у реки,
где плачут наливные пеликаны,
и падают хмельные рыбаки
в компьютерные сети и стаканы.

трамваи входят по двое в глаза,
безопытно слоняются кареты,
кондукторы теряют голоса
и угощают ехать без билета.

* * *

Огни почти оплыли, скоро снег,
Намыленный горячкой или гриппом,
В стране, где посторонних дальше нет
Ты станешь только точной. Точка. Грифель.

Но покрывать угаром кожу век,
Наращивать плоды, детей и страхи.
На хлопчатых перчатках только снег
И отпечатки клетчатой бумаги.

Александр Белов

Нежность.

Что останется нам с тобой,
Чрево города безоружного?
Расстилается сон рекой
По оттаявшим ямам и лужам.

По промозглым лихим дворам
Пробирается лучик света,
В грязи плещется детвора...
От заката и до рассвета

Набирает O² тепло,
Набираются дядьки на лавках,
Мне так, все-таки, повезло,
Что добро у меня под шапкой...

И не скроешь его никак,
Каждый видит и смотрит прямо,
Открываются пасти собак
И прохожие падают в ямы.

Что останется нам с тобой?
Впрочем, это не так уж сильно
Нужно знать, так что, милый мой,
Свой поглубже засунь мобильный,

Посмотри, как приятно вокруг,
Почеши не спеша промежность,
И скорей начинай, мой друг!
Подари всему миру нежность!

* * *

Нам бы вместе бегать по крышам
Чужих городов и больниц,
Нам бы вместе взлететь чуть выше,
Нам бы трогать ладонями птиц...
Нам бы черепом из Шекспира
Вырезать на руках тату...
Мы сидим на вершине мира,
Обнимая свою мечту.
Нам бы в линзы простые капли,
Из ревнивой морской воды,
Что колотят душой о камни,
Оставляя на них следы.
Нам бы просто поверить в чудо,
Просто помнить про небо весны,
Обозлённо винить рассудок,
Что порой не с тобою сны.
Нам бы просто. И нам бы понятно.
Нам бы так, как есть и сейчас.
Нам бы громко и нам бы невнятно,
Нам бы вместе, но чтобы не раз...

* * *

Пантомимами сыт не будешь.
Пеленаю тебя украдкой.
И кого же, скажи, ты судишь?
В своем пламени под кроваткой
Ты чего там, признайся, греешь?
Не холодной ли стали масло?
На рождение коль не успеешь,

Так заметишь, как вмиг погасло
Твоё солнце в кровати безумий.
Улыбайся, малютка, звёздам!
Понимают таких, как ты, судей,
Понимают... Но только вот, поздно.
Принимают порой в команды,
В социальные месторождения...
Ощути яркий шёлк веранды,
Язычков тех прикосновенье,
Что рождается в недрах треска
Между брёвен горящего дома.
Если вдруг нет верёвки — есть леска.
Если вдруг нет сознания — кома.
Если вдруг нет отчаянья — ласка,
Если вдруг обожжёт, то дунешь...
Засыпай. Я пою тебе сказку.
Пантомимами ж сыт не будешь...

* * *

Я менее опасный человек,
Чем десять штук других в моей палате.
Один из них, напосещав аптек,
Лежит теперь, привязанный к кровати.
Другой стоит весь день, и по ночам,
И даже не выходит встретить близких,
А третьему все горы по плечам —
Он нюхает бутылку из под виски.
Четвертый враз лишился всех зубов,
Оскалив их при первом же варианте,
А пятый говорит так много слов
Про то, как крылся пылью на серванте,
Как будто он какая-либо вещь.
Шестой увяз ботинками в пространстве,
Которое назначили стеречь.
Седьмой? С седьмым вообще неясно.
Восьмой извечно прыгает в окно,
Как только подозрение на вирус.
Девятому и вовсе все равно —
Он вечно трёт про Рим и про папирус.
А я чего? Обычный интриган,
Увязший в серых стенах медицины.
Вот только жаль — на этот мой талант
Еще пока не сделали вакцины.

Ольга Роленгоф

Поэт, переводчик. Родилась в 1979 г. Окончила исторический факультет Пермского государственного университета. Публиковалась в журналах «Урал», «Дети Ра», «Интерпоэзия», «Литературная Пермь», «Вещь», сборниках «Стерн» (СПб), «@нтология» (Москва) и др. В 2007 году вышла книга стихов «Зрение».

Автор документального фильма «Мама и ракеты».

Переводила Маргерит Юрсенар, Симону Вейль, Жака Бреля.

Автор идеи студенческого поэтического конкурса «Узнай поэта!» (проходит в Перми с 2006 года).

Входит в состав литературно-философской студии «Арт Модерн» (Пермь). Член Пермского отделения Союза российских писателей.

Прощай навек, нелепое житьё —
И снится мне у белого порога,
Что предстояло — то ушло в небытё
По воле Бога...
Теперь так странен личный беспредел,
Я обрываю веточки корысти —
Пусть ствол стоит, который он радел,
И прорастут на нем другие листья.
Когда уж выбран путь,
Так странно наблюдать,
Как позади ломаются тропинки,
Когда по лезвию дошел до серединки,
То удивляешься нелепости житья...
Но прикоснувшись к тайне бытия,
Они по-прежнему беспомощны, как дети,
Российского свидетели житья,
Поэты...
И пусть к ним Муза прыгает в ладонь,
Но в двух мирах они пред ней невольны —
Она их больше, как мирская скорбь,
И ими бьет, как языком по колокольне...
У Феи-музы множество забот,
Но Питер Пен никак не вырастает,

И только Венди эту жизнь живет
И умирает...

Шелковичные черви мою посетили ладонь
Перед тем, как обвиться кругом золотистым
сияньем канала,
Я поглажу их след, попытаюсь понять эту
боль
От того, кем являюсь сейчас, от того, кем
могла и не стала.
Отвергая хороший листок, припадая
к побитому тлэй,
Забывая, что могут водить мною
наилетнейшие духи:
Щекотальщики нервов, они — погружают
в туман с головой,

Сергей Галлиулин

думать иначе, жить иначе,
верить в другого бога,
бабушка плачет, мама плачет,
вырастили глупца.
ходишь-бродишь, ищешь удачи,
от вологды до таганрога,
побатрачишь за грош-калачик
пот сотрешь с лица.
та цена, которую платим
за веру в другого бога —
наказания и проклятья,
злые взгляды в упор.
лучше на диване в халате,
кофе и рома немного,
чем с горы на самокате
в темный сосновый бор.
думать иначе, жить иначе
и умереть иначе,
в грязной луже на чьей-то даче,
точно не на кресте.
hasta la vista, моя удача,
мы никогда не плачем,
раз нас решили повесить значит
мы будем на высоте.

закрываем уши и ничего не слышим,
но и сами сидим потише, как мыши.
чтобы вороны, ястребы, совы летели мимо.
а еще мы накурим тут, станет больше дыма,
в этом облаке, в этой завесе, в этом тумане,
мы сидим, но бояться никак не перестанем.
совы, ястребы, вороны — очень хитрые
твари,
и над нами кружат их злые хищные хари.
мы сидим и дрожим и молимся богу,
своему мышиному, помогающему
понемногу,
защищающему, так сказать, дающему
крышу.
мы сидим и дрожим, а что еще делать, если
мы мыши.
тише, тише, хватит ходить и топтать,
приведете к извержению или потопу,
тише, тише, мы мыши, нам нужно дрожать,
совам, ястребам, воронам — уничтожать.
тише, тише, мы мыши, ну что вы,
не слышите?

Антон Бахарев-Черненко

Антон Павлович Бахарев (псевдоним Бахарев-Чернёнок) родился в 1980 году в Губахе Пермской области. Учился в Таганрогском пединституте по специальности «учитель русского языка и литературы». Занял первое место на Международном фестивале поэзии в Ялте «Синани-Фест — 2009». Публикации — «Знамя» №2, 2010, №7, 2014, «Огонь к огню», «Вещь». Автор книг стихов «Живи сюда» (Пермь, 2011), «Рилика» (Пермь, 2013). Живёт в Перми.

Весна-весна! Куда я ни приду,
Так явственны в твоём безумном блеске
И заячья эротика в подлеске,
И жабья порнография в пруду.

Подснежников бесстыдные глаза
И бледные бессильные колени...
А в белой бересте, темнее тени,
Берёзовая томная слеза.

О птичий флирт с полпятого утра!
И до потёмок нет уже покоя:
То мыши распадутся под ногою,
То в оргии сгустится мошкара...

Но даже если смерть нас не берёт,
Моя душа в цепи перерождений
Замрёт среди животных и растений,
Зачахнет без любви — и пропадёт.

Моя звезда погасла миллион
Веков назад, но всё ещё небесна —
Бог знает где, посередине бездны,
Среди сосновых шепчущих колонн.

Как тонок свет в космической дыре!
Но мне туда и взглядом не пробраться —
Где схлопнулось горящее пространство,
Своей громады не преодолев...

А тут стволы упавшие во мху
Сгнивают со своими же корнями —
И оттого я здесь, как будто в яме,
А ты, звезда, как будто наверху.

Старик, играй с дитём,
Дружи с ним вон из кожи,
Когда весь путь исхожен,
И заперт райский дом.

Настанет пустота,
Которой не представить,
А жизнь других наставит
На старые места.

Тогда — что миг, что век.
Тогда на этом свете
Тебе дано бессмертье,
Пропавший человек:

Одряхлится дитя —
И в немощи покорной
Признает в лицах скорбных
Далёкого тебя.

* * *

Мурлыкал кот, и булькала река,
что не издалека, а свысока
раскатывалась, как дитя на горке.
Не разделялся запах сладкогорький,
и свет был цвета мёдомолока.

А Дедушка Ау на берегу
выхватывал стоявших на бегу,
с игрушкой ёлочною схожих, рыбок,
но звал кота — и, реку перепрыгав,
кот их съедал, лежащих на боку.

Зачем восходит это серебро
сюда, где солнце месяцу равно —
когда не может справиться с теченьем?
Когда земля пугает светотенью,
и отмель упирается в ребро.

Зачем здесь выжил Дедушка Ау
из жизни той, где не жилось ему,
и умер здесь, и после смерти выжил?
И сын его сложил его на лыжи —
и покатился к сыну своему...

Я тут стою во сне и наяву,
схватив свой выдох, словно тетиву,
боясь тоской и ревностью поранить
ничью судьбу ещё, ничью печаль и

память —

даль, до которой я не доживу.

...Дитя летит, светла его душа;
то засмеётся, в варежку дыша,
замёрзший ручеек согрев, как пальчик,
то вверх глядит, и волки по-собачьи
у ног его стареют не спеша.

* * *

С тихим скрипом в лесу шевелятся,
Заковыристой самореза,
Короедами пальцы лешего,
Выдираемого из леса.

Он, наверно, боролся истоиво,
Истекая смолистым глазом,
И родные деревья стискивал,
Растерявший волшебный разум...

Только это не сказка — присказка.
Вот, посёлки стоят пустые,
И луна на них смотрит искоса,
Как на дюны в ночной пустыне.

Словно всё незаметно движется —
Жутко выйти к сельпо в потёмках,
Даже для коренного вишерца,
В заржавелых кровоподтёках.

Я сижу до утра за стенами
И зубами дроблю секунды —
Чья слышна мне душа забвенная,
Чей там шорох и шёпот скудный?

Но не смею проткнуть стамескою
В старом доме пласты извёстки —
Вдруг увижу фалангу детскую,
Нюхоток с земляной полоской...

* * *

Прозрачна осень. Словно из неё
Глаголы выдуло. И день прекрасно краток.
И, налету споткнувшись, вороньё
Упало точечками — завершив порядок.

Но лишь тогда её перелистну —
Страницу эту, что почти уже бесплотна —
Когда застрянет облако в лесу,
Когда туманностями прорастут болота;

Когда в бумаге белой пелены
Я вспомню жизнь, как вспоминают почерк,

И все свои неясные как сны
Слова расставлю между чёрных точек.

* * *

Идём к нулю. Возможен снегопад...
Берёза — как накрашенная бабка.
Не страшно, не смешно, а просто зябко.
Я вместо рифм выдумываю мат.

Ну что, осина, смотришь мне в глаза
И душу пьёшь, как ушлая цыганка?
Я вывернул всех вас бы наизнанку,
А золото закинул в небеса!

Когда б не пас меня читатель-мент,
Который ходит в доле с вашей шайкой —
Поэтому меня, как попрошайку,
И загребут к себе в один момент...

Но не затем, чтоб там намять бока
И уронить передо мной фуражку —
А мат просить и ахать в каталажке!
И я молчу. И снег молчит пока.

* * *

Я голос потерял — и всё держу в себе,
Как зимняя вода, лежащая на север —
От говорливых гор, где золото лысеет,
До ледовитой мглы в небесном серебре.

В безмолвии таком — утробная тревога,
Что здесь — невмоготу, а дальше — хоть
умри,
Я трогаю свою заветную дорогу
И выстуженных тайн тугие пузыри...

Вмороженный в себя, не сказанный рекой,
Ещё увижу я, как цепенеет вандыш,
И медленный по дну сдвигается окатыш,
Заброшенный сюда неведомой рукой.

* * *

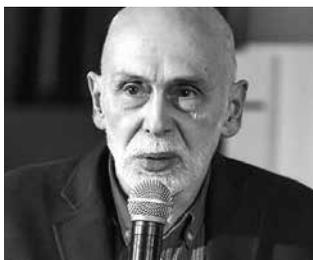
Меня замело по пояс, пояс души,
Накрепко стянутый, как солдатский ремень,
И я теперь, как настоящий мужик,
Себе не даю ни водою, ни льдом реветь.

А слёзы январские медленнее стекла.
Мне кажется, быстрее выплеснется окно.
Их даже не протыкает космическая игла —
Укольчик звезды, за которым шёлково и
льняно.

Ну что ж, я не буду нанизан на эту нить...
Откуда ж знакомо движение внутреннего
луча?

И хрусткая сутолока пообещавших не нить,
И честное слово, вылетевшее сгоряча.

Леонид Юзефович

Леонид Юзефович родился в 1947 году в Москве, детство и юность прожил в Перми. После окончания исторического факультета Пермского университета (1970) служил в армии в Забайкалье (1970–1972). С 1975 года по настоящее время работает учителем истории в средней школе. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию по русскому дипломатическому этикету XV–XVII веков.

Литературный дебют состоялся в 1977 году в журнале «Урал»: повесть «Обручение с вольностью», Много печатался во второй половине 1980-х, запомнился как автор документального романа о бароне Унгерне «Самодержец пустыни» (1993). Всероссийская известность к Юзефовичу пришла в 2001 году после издания цикла исторических детективов о сыщике Иване Путилине.

В 2002 году появился детективный роман «Казароза», действие которого происходит в 1920 году в Перми (первый вариант — «Клуб «Эсперо» — был издан ещё в 1990 году). Роман тоже был высоко оценён критикой и вышел в финал престижного конкурса — премии «Русский Букер». За роман «Журавли и карлики» Леонид Юзефович назван лауреатом первой премии «Большая книга» 2009 года.

Ветеран. 1975 г.

Поёт труба в военном городке.
Динамик возле станции рыдает.
Наряд купает лошадей в реке.
Блестят их крупы. Уши западают.

Казармы на высоком берегу
Врастают в землю прочно, год от года.
Горячий ветер лижет Селенгу.
Кирпич алеет в мареве восхода.

Песок и ветер хлещут по глазам,
Но со слезой яснее вспомнишь: лето,
Кавалерийский полк в стенах казарм
Томится ожиданием рассвета.

С окрестных сопок сняты патрули,
Комэски в штабе склеивают карты,
А над ночным безмолвием земли
Развёрнуты песчаные штандарты.

Они летят над самой Селенгой,
Воды касаясь пыльными кистями,
Где плоский берег выгнулся дугой,
Как верховой со срочными вестями.

В тугих чехлах укрыт знамённый шёлк.
Молчит труба. В потёмках к эшелону
На станцию орденосный полк
Вытягивает узкую колонну,

Чтобы теперь в столовке полковой
С плакатом про героев Халхин-Гола
Плеснуть в стаканы водки даровой
Под лязганье казённого глагола.

Есть винегрет и верить, что твоя
Жизнь удалась. На полку встанет книга.
И выползет из черепа змея,
Чтобы ужалить старого комбрига.

Арина Шульгина

Родилась в 1991 году в Перми, закончила строительный факультет ПНИПУ. Занималась спортом (семь видов), звукорежиссурой, интернет маркетингом, танцами, пением. Пишет стихи.

Звезды Ковша

останови этот пьяный поезд,
он мчит к разрушенному мосту,
все твои прозвища — эта повесть,
вера в бессмертие и U2,

и под углом ровно 90
сыплется в руки свет
фар, восхищенных глаз и звезд, но
ты уже знаешь, что кроме поздно
времени в этих осях, серьезно,
попросту нет, и нет

кроме узла на шнурках кроссовок
больше констант.
в поле из роз или из винтовок
можно собрать секстант,

но все равно прямо в небо якорь
бросит твоя душа,
и над тобой при любых «куда-то»,
даже когда ты погиб, ребята,
звезды ковша...

несоразмерны и равновесны
истина и стена:
мир — это сердце бездонной бездны,
дом и тюрьма.

и под ковшом, кокаином, плодом
плачь и любви навзрыд —
мы спасены и убиты небом,

целой вселенной, в которой не был,
тот, кто кричит:
исходи, изведай, мир для тебя открыт!

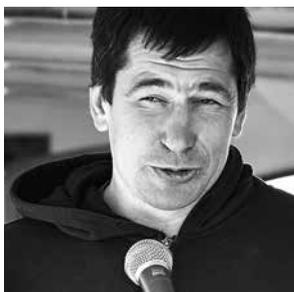
никакой пустоты не бывает, все это враки,
неизменности тоже, а незаменимость вот
есть.
вместо неба у летчика будет портвейн и
драки,
вместо брата у брата будет и враг, и месть.

пустоты не бывает, но бывают большие дыры,
которые заполняются постепенно и чем
попало,
мусором и бутылками маленькая квартира,
запахами и пятнами шторы и одеяло.

не бывает, и не бывает так небывательно,
что рассказывая кому-то о пустоте
ты наверное бросишь, зароешься
в прилагательных
и поймешь, все не то, все корни у слов не те.

бывает иначе, и даже музыка вместо сердца,
можно свистеть, была бы только дыра,
может быть инструмент, а могло быть
просто отверстие,
ну...
выбирай.

Георгий Звездин

Родился в 1978 г. в Перми. Военный моряк, позже рабочий завода. Победитель II межрегионального фестиваля литературных объединений «Глубина» (Челябинск, 2008). Публиковался в журнале «Воздух», «Урал-Транзит», в «11:33» (Малой антологии Уральской поэзии, Екатеринбург, 2008), «Вещь». Резидент товарищества поэтов «Сибирский тракт», участник литературного клуба «А-либитум». Живёт в Перми.

Metamorphoses

не притча и не загадка
на простой вопрос
я долго не мог услышать
внятного ответа
практикуя метод индукции
я только хотел знать
что такое мужчина
и в чем его достоинство
но вот однажды в газете
в рубрике «знакомства»
я натолкнулся на объявление
«нужен настоящий мужчина»
обрадованный
я тут же набрал указанный номер
после нескольких гудков трубку сняли
и вот что я услышал
раскрой меня наугад
улыбнись строке дебютанта
взвесь мои груди
и если откроешь тайну
запатентуй
позавтракай на моем бедре
остро пахнущем
в час когда зеркальность луж повышена
выйди вон
и вспоминай насвистывая
мою мелодию
о рядовой грек павший в пески Илиады

ради часа с Еленой прекрасной
на квартире в центре
о конь в пальто средней весовой категории
мечтавший сыграть роль чернокожей
певицы
зачем в твоём кармане тужелька?
не знания и не навыки
сумей почувствовать однажды то
как любвеобильна осень
всего лишь
не знаю сколько я слушал все это
я очнулся на верхней границе бабьего лета
в королевских лесах под Чусовым
шла торжественная литургия охоты
громко хлопали на ветру
створки царских врат

Элегия

она была наполнена и потому
желала быть настигнутой
тем летом
мы варили мидий
заостренным дрынком
охотились на камбал
препоясав чресла
толстыми ремнями ламинарии
устраивали бег на стадий

и запрокинув голову
беззвучно открывая рот
она смеялась
а мы
оглохнув от прибоя ей кивали
тем летом
для нас дороже не было награды
и снова мы ристались
в слона и в пекаря
и в конный бой
потом опять в слона
а через год
ты с предками уехала на материк
а через три уехал я
не дай нам бог увидеться
о чем бы
мы поведали друг другу?
за гопника ты вышла замуж я
наконец-то разменял свою невинность
теперь понятно мне
о чем тогда волна бубнила
в пробитый трюм полуистлевшей баржи
но это
потеряло смысл
и с кем тебя настиг прилив
теперь
неважно
но как ни горько
я не говорю прощай
тому не случится больше
меж мной и жизнью это не делимо
покуда очно смерть сама
торжественно не вступит в наше
триединство

Картины режиссера Ботичелли

Владиславу Дрожащих

1.

стареющий поэт Державин
возник в дверях кафе
четыре
пермских фонаря перемигнувшись
на все четыре стороны
растиражировали тень его

ты скажешь
вот он виночерпий вод отходящих мира
вот он мироносец
умастивший без разбора
наши глиняные ноги
и мы с тобой поговорим
о бесполезности искусства
о том что
бесполезностью своей оно кощунственно
как всякая попытка поделить на ноль

2.

в окно глядят отец и сын
и видят старика в дверях кафе
одетого по моде середины
восемнадцатого века

Сын:

должно быть чьей то святотатственной
рукой
ненастной этой ночи в знаменатель
грязным кляпом
вставлено зеро
нарушен ход вещей привычный
Левиафан на Камский выбросился брег
и заскулил

а вот приметой верной дней последних
на променад выходит этот призрак
но все это ничто
меня смущает лишь то
что нет у нас автомобиля

Отец:

мне странно это слышать сын
сейчас когда в прихожей нашей тесной
мерцают тихо лунные ботинки

Сын:

что? лунные ботинки?

Отец:

да лунные ботинки
библейских патриархов я заткнул за пояс
поверь никто и никогда
никто и никогда не оставял в наследство
такого редкого сокровища
пойми ведь в них всего два шага
до бессмертья
два шага до бессмертья
два шага до бессмертья

3.

а в это время
 лицеист приходит к женщине
 она адресовалась
 в газете городской как стройная
 общительная дама
 вот он разулся
 в комнаты проходит
 и тут его манера
 говорить и двигаться
 ей кажется чрезвычайно странной
 она почти напугана
 и чтоб ее немного успокоить
 он говорит
 не бойся
 я Уолт Уитмэн
 тот самый
 щедрый и могучий
 будь благостной и тихой
 до назначенного часа
 когда приду к тебе
 ее глаза опущены
 и рот ее смущенно приоткрыт

4.

для нас все стало в городе другим
 вот я стою на лестничной площадке
 будто Герман у графини в доме
 и слушаю прибор из раковин квартирных
 или сквозь пальцы пропускаю
 песок времен напрасных
 любимая! отправимся на рынок
 мудрец у жизни в мелочах найдет себе
 отраду
 как ребенок что стащил у няньки
 коробку пуговиц
 оцепенеем в овощном ряду
 посмотрим как в пегментных пятнах руки
 из бурлящего рассола извлекают
 малосольный огурец
 пускай себе другие грезят
 о больших автомобилях
 о столицах
 поверь что даже мысль о переезде
 я находил всегда кощунственной
 ведь это означало бы предположить,
 что где-то есть служанка

у которой бедра шире и груди больше
 чем у тебя
 о Мери
 неслыханное святотатство!

5.

стареющий поэт Державин
 выходит на трамвайный мост
 и застаёт луну
 снимающую грим
 он говорит
 почтенный председатель
 не правда ли
 всю прожитую жизнь сейчас
 находишь ты напрасной?
 и для меня безделицей Моцарта
 промчался жизни сон
 я видел русский бунт
 и жив остался
 чтоб написать пять тысяч од
 придворным стать поэтом
 а лунные ботинки господя
 сейчас стоят под панцирной кроватью
 в комнате у лицеиста
 и одиночества его сейчас не приобрести
 за все сокровища Магриба
 воистину нет правды на земле
 а значит
 нет ее и выше

Три поездки Ильи Муромца

что делать господя
 что делать
 можно дожидаться сумерек
 вынести на веранду стол
 накрыть чистой скатертью
 вынести блюдце
 перевернуть
 водрузить керасиновую лампу
 начинай ты
 или ты
 все равно
 начните кто-нибудь повесть
 о дороге прямоезжей в стольный Киев-град
 о том где она

у кого она
кто стоит в ее начале
начните так
облака-лазутчики доносят
герой шел всю ночь
вдоль федеральной трассы
и девушкам с автозаправки
ничего не оставалось
как только рассмеяться вслед
какая-то «девятка»
обогнав его притормозила у обочины
и он решив что его хотят подвезти
подошел поближе
и наклонившись стал всматриваться внутрь
то что он там увидел
под стать крещенскому сну
Татьяны Лариной
там сидело пятеро молодцов
и с ними девчонка для забавы
у любого из вас
от увиденного
волосы бы встали дыбом
но герой
только недоуменно пожал плечами
он знал что каждый из них
боится остаться с тайной тайн наедине
боится спуститься в дельту
и почувствовать свежий ветер
с Хвалынского моря
в этот момент
потоком ветра от проезжающей фуры
с него сорвало кепку
и она покатила брэнча
как подлинный шлем Мамбрин
далее
под транспортной развязкой
он имел аудиенцию с самим Эолом
и был при этом без кальсон
в конце концов под утро
он зачерпнул из кювета
и провозгласил тост
итак облака-лазутчики доносят
герой появился на подступах
жители города спешно
занимали места
им было обещано что они увидят
сошествие во ад
когда герой вышел на площадь
он увидел массу людей

восседающих на стульях
а вместо лиц
у них были бубны
и он стал бить в них
стараясь ударить громче

стараясь дотянуться до каждого
и он разбил их все
он разбил их в кровь
во славу Господа

Романс

расставаясь она говорила
мы были бы хорошей парой
тишина свидетель
что у меня пальцы самые крохотные
на свете
что ты
самое яркое из того
что было
но тишину никто
не выслушает
до конца
а я
я буду вспоминать тот день
когда впервые
увидела тебя
в канун родительской субботы
одетого нелепо как жизнь сама
как ты стоял со страхом на плечах
и оттого что больше некому молиться
ты встречных песней ободрял
а у тебя в доме
ничтожество разлито на двоих
и никогда
и никакого достоинства
кроме твоего невнятного
чувства юмора
но я вошла к тебе
и ты заснул
во влажном сумраке прибрежных ив
на моем
песчаном теле
прощай прощай
со всем что юно и прекрасно
ты устремляешься к червям

слепым как жизнь сама
расставаясь она говорила

Стихи

За широту лица и долготу груди
Я тебя причисляю к лику
сортировочной Гардарики
И деградирующих почв ея.
О светлой пасхи банный день!
апрельская хрустящая сорочка
на табуретах к пробуждению сыновей
Набат с водонапорных башен —
их любимый танец
«Куда ты мчишься птица-тройка?» —
их последняя молитва.
Бряцанье гардеробных бирок
с жилистых запястий,
смыканье оцинкованных щитов
Гоплиты все!
И старики и дети
Я на себе ловлю твой полный ожиданья
и синевой татуированной
глубокий взгляд

* * *

Не разбираюсь в винах но...
предпочитаю твое
выдержанное в бутылчатых икрах
разглядывать на свет
в дымчатый капрон
А сегодня
я пьян с утра
потому что давно хотелось
и ты оставив меня побрела
дюнами в ванную комнату ты...
Гляди как мерцают в небе
знаки железнодорожного зодиака
и среди прочих созвездия
вымерших селений
Кизеловского бассейна.

Михаил Червяков

Червяков Михаил Сергеевич. 1984 года рождения. Живет в Липецке. Холост. Некоторое время работал кладовщиком на металлобазе. Также работал в похоронном бюро (что дало сильные эмоции для творчества). Из первого института был исключён. Писать стихи начал поздно, уже после 20-ти. В этот период произошла переоценка ценностей и желание попробовать себя в литературе. Долгое время писал в стол. В свои силы поверил только когда победил в Воронеже на Стихоборье, заняв первое место в номинации «религиозно-мистическое». В Липецке в 2015 г. вышел первый поэтический сборник «Характер».

Двое

Словно дети, они бегают по безлюдному
пляжу,
И глаза их наполняются счастьем в этот
момент.
А в небе белые чайки, которые скорее
серые даже,
И ветер вдоль берега тащит обрывки газет.
Эта история про то, как люди могут ещё
любить,
И, несомненно, самым вкусным будет этот
кусочек.
Ведь каждому человеку есть чем
дорожить —
На подходе к морю почувствовав песок.
А он бежит и подпрыгивает, пытаясь
взлететь,
И сквозь смех вдогонку она ему что-то
кричит.
И в этот момент жизнь остановилась, чтобы
посмотреть.
Остановилась и молчит.

Творящие чудо

Мы с ней стояли вдали от всех,
Когда на моих глазах сотворила чудо
Она, подкинув руку ладонью вверх,
Попросила принести ей хлеба оттуда.
Моего воображение у меня не отнять,
Даже после пластилиновых мультфильмов.
Могу целую горсть солдатиков тебе дать,
Если будешь дружить со мной сильно.
И вот мы уже бежим под синим небом,
Которое как обёртка от жвачки «Дональд
Дак».
А день гонится за нами следом
И не догонит никак.
И, точно применив полученные знания,
Я распечатал радости целую упаковку,
Когда с себя снял, затаив дыхание,
Свою первую божью коровку.

Время

Когда-то мы схватили время и затащили
 под стекло.
 С тех пор, как солнце лёд, наш взор его
 плавит.
 Да ещё и стрелками взяли, да и порубили
 ему лицо.
 И вот за это оно нас так нещадно теперь
 старит,
 Заставляя каждого живущего в этой
 вселенной
 Посмотреть на сыплющейся песок в часах,
 С воды вековую информацию снимая
 пеной.
 Людей, гуляющих по пляжу, слушая голоса,
 И мы видели, как оно играло с детьми и
 листьями.
 Ну а вот, что происходило на самом деле —
 Оно желтило в ящике стола фотографии
 с письмами
 И обдирало ногтями в саду краску
 с качелей.
 И теперь из самого детства за нами тянется
 страх,
 Особо ощутимый к утру, когда ночь уже
 позади.
 И в прокуренной комнате пепельницу
 зажав в руках,
 Монотонными ударами выносит дыхание
 из груди.
 И метнув в человека с транквилизатором
 дротики,
 Оно склонится над телом и пальцем
 потычет.
 А после, в кресле держась за деревянные
 подлокотники,
 Будет рассматривать чертежи изобретений
 да Винчи.
 Время тут все предметы и вещи знает
 по именам,
 Оно живёт во всём — от диванной пыли
 до хлебных крошек.
 И если его сейчас не видно, это значит оно
 где-то там
 На короточках вдоль трасс доедает сбитых
 кошек.
 Время на цепях висело с ведьмами
 на стенах,

Вместе с ацтеками золото отливало
 в монеты,
 Плавало в ладье с викингами в рогатых
 шлемах,
 В запревшее сено прятало пистолеты.
 И ему, что рушить, что возводить — всё
 едино: Гляди!
 Даже провернуть планету его не затрудняет
 сильно,
 Но только вот перед зависшим над цветком
 колибри
 Время почему-то бессильно.

Херувимы

Спускаясь по белой мраморной лестнице,
 Они еле-еле касались ногами ступеней.
 К той, что так убедительна в роли
 девственницы,
 Полощущей рыбацкие сети в морской пене.
 И херувимы, не обронив ни единого слова,
 Дольше чем принято на это смотрели.
 На то, как рыбаки радовались своему улову,
 Пока их внучки ложились в чужие постели.
 Зажмуривая от страха глаза, считая
 до десяти,
 Рожали воров и убийц с ангельской
 внешностью,
 Которых, как оказалось, было некому
 спасти —
 Конвоиры бьют с минимальной
 погрешностью.
 Человек не виновен, пока не доказано
 обратное.
 Каждому после этих слов по их делам
 воздали.
 И было у них над головами небо
 квадратное,
 И с синих спин... крылья херувимов
 свисали.
 А сердца, стали что камни, почернев
 от злобы,
 В которых для Божьего чуда не осталось
 места.
 На тюремных дворах уши свои заткнули,
 чтобы
 Не слышать симфонию небесного оркестра.

И улететь отсюда им решётки не дают.
В последний день не нашли напильника
в хлебе.
Остаётся теперь найти в земле приют,
Раз не получилось найти его в небе.

Алёнушка

Сидит как дурочка с волосами не чёсаными
И от тоски потихоньку вниз с камня
валится.
А они в кредит понабрали машин
с пылесосами
И друг другу за столом сидят, улыбаются.
И никто пока не блюёт, и это здорово!
Боже Мой, сколько удовольствия
в застолье.

Каждый раз всуе упоминая Того, которого
В конце распяли, но нет — это не спойлер.
Постепенно эти люди придут в себя,
И по стенам поползут посты с кучами
лайков.

Им есть из чего выбрать, выбор у них есть
всегда.
От эвтаназии до инцеста, от рибока
до найков.
И душа, как кукла, в руках у чревоушателя,
Которая как-то быстро, что удивительно,
Начала зависеть от достатка обладателя.
И от того-то весь этот мир стремительно
Со своими пылесосами в тартарары катится,
И на куполах уже ни крестов, ни золота.
И у Васнецова Алёнушка больше
не отражается
На тёмной поверхности омота.

ЧЕЛОВЕК vs БОГ

Пришло смирение на смену взрощенной
злости,
И в песнях у поющих по переходам калек
Поётся о беспричинной жестокости,
Которую может творить только человек.
— И, кто бы с берега — несчастным
рыбакам помог?

Отче, видишь лодку? На горизонте вон она
чернеет!
И кожные сенсоры, просканировав
отпечатки ног,
Как тут же вода под ними сжалась теснее.
— Ну а что если, вместо
голубовато-прозрачной воды,
Тут бурлил бы чёрными пузырями
алюминий?
И миллион лет назад вылезший из земли
Стоял бы человек с множеством имён и
фамилий?
И ему на ухо шептали, а он бы разматывал
кнут.
А после в Мою сторону пальцем бы
показали.
В мире, где ненавидят, осуждают и врут.
Я бы вышел вперёд... и Меня бы
не оправдали.

Икар

Своё имя на солнце напишу.
Мозговая жидкость полощет мои миры.
Верёвочки оборвались, на сухожилиях вишу,
Буквой А лечу из тишины.
Мне далеко ещё до хлеба,
Обсасывал бы пока вымя.
Не словчил на вираже: сильным было небо,
И слабыми оказались крылья.
Падаю вниз, ветром измятый,
Кривой пульс артерии скребёт.
И сверху виден будет пласт горбатый
Горелого тела, вмёрзшего в лёд.

Автокатастрофа

Скрипят в затылке тормоза...
Лицом — в лобовое стекло, как в торт!
Изнутри заколочены глаза.
Изнутри заколочен рот.
Того бензина в баке
Не хватит на обратную дорогу.
И хватит думать о перебегающей собаке,
Когда смотришь в глаза Богу.

Павел Чечеткин

Павел Анатольевич Чечёткин (род. 1978, Пермь). Лауреат всероссийских премий памяти Ильи Тюрина «Илья-Премия» (2002), «Триумф» (2003) и премии им. Мерзлякова (2003). Автор двух книг стихов «Небесный заяц» (2003) и «Кот Несмеяны» (2014). Председатель Пермского отделения Союза российских писателей (с 2008). Публиковался в журналах «День и ночь», «Знамя», «Континент», «Урал», «Уральская новь», сборнике «Дикороссы. Приют неизвестных поэтов», в антологии «Современная уральская поэзия». Главный редактор пермского литературного журнала «Вещь» (с 2010). В 2014 начал вместе с Борисом Эренбургом проводить поэтический фестиваль «Компрос».

Театр «Театр»

В минувшем мае брызнул пеною
Сезон изысканных премьер.
И вот мы с театралкой Леною,
Отлаяв сцену откровенную,
В итоге рухнули в партер.

Я жал во тьме коленко Ленино
И пил настойку из горла.
По сцене бегала Каренина,
И всё там было так запенено,
Что даже Лена отпила.

Всем было ясно, над сценарием
Трудился новый интеллект.
Родные гопники и парии
Клубились словно в серпентарии
На жёлтых фантиках конфет.

Меж фарсом и бегами конскими
Смешались в кучу янь и инь.
Еще я мельком видел Вронского,
Что сладостью греха содомского
Подначивал двух героинь.

Везде живые лезли ниточки,
Сплетая в дивную муру,
Все эти фенечки и вытачки,
И модный шарф на шее Стивочки... —
Фру-фру глаза мои! Фру-фру!

Я жал во тьме коленко Ленино
И дул настойку из горла.
По сцене бегала Каренина
И ни хрена не умерла.

Майские яблони

Ради двух этих майских недель,
Когда яблони в алом и белом
Затевают свою канитель
Над земли неразделанным телом;
И, борясь с притяженьем руки,
Заготовки для зимней шарлотки
Гордо держат свои лепестки,
Будто парус — рыбацкие лодки.
Там при взгляде с любой высоты
Белогрудые кроны под вами
Затопляют с шипеньем сады,
Как распластанный гребень цунами;

Обрывая цветки по пути,
Тут же девушки в платьях и блузах,
Словно гейши, идут посреди
Белых сакур в окрестностях Фудзи.
Ради двух этих майских недель
Можно жить в этом городе грустном,
Представляя, что вечный апрель
Дал хлопучечный залп ему в гузно,
Можно жить и дышать;

а затем,

Расстреляв свои белые хлопья,
Этот буйный заезжий эдем
Выйдет сморщенной яблочной дробью.
И средь мокрой осенней тиши
Ты увидишь, как мелки и жалки,
Исчезают рябые пыжи
В медном клюве простуженной галки.

* * *

Пшеничный хрущ и финиковый клоп,
Огнец-кальмар, пульсирующий в чёрном,
Скребуются в стены, чувствуя тепло,
И выбирают истину по зёрнам.

А я, развеяв, словно рафинад,
Последний жар в вечерней чашке чаю,
Храню в шкафу подшивку старых правд
И по ночам ей двери подпираю...

* * *

Пошутили неудачно —
Неужели с этого
Рыцарь Ваш сегодня мрачный,
Ультра-фиолетовый?

В щели стёкол бесполезных
В эпилоге повести
Он с ослёнка смотрит в бездну
Дьявольской серьёзности.

Андрей Мансветов

Чебурашка и другие воспоминания

*А мальчик нес сметану сбитой мертвой кошке,
Боялся разбудить, ей, видно, снились крыши*

А. Непомнящий

Ушастый зверь стучит в окно
когда на улице темно
не просит пить, не просит есть
он думает, что кто-то здесь
безумно, страшно одинок
но высоко дверной звонок
и окна в эти холода
не открывают никогда
Горела лампа за стеклом
усталый в кресле человек
смотрел цветные сны о том
что не успел, и падал снег
поверх неважно чьих следов
деревьев, фонарей и крыш
ушастый зверь вернется, но
ты снова это все проспичь

Ты едешь на юг, и на стыках, икаясь, стихи
хитиновой корочкой между тобой и вагоном
в какой-то момент, вот уже не коснуться
и падает ложечка на пол. Серебряным
звонком

Заходится судорогой тот придуманный сон
сибирские версты, Сенатская площадь,
снежинки
кто будет жалеть уносимых вагоном окон
кто будет на ощупь, по памяти ставить
пластинки
Куда, уходя из прокуренных тамбуров
в ночь
шептать про себя: «...то ли поднятой пыли
дворовой»
пить водку с приятелем, волноваться за дочь
обманывать зеркало, или себя, или снова
Ростов разменять на Житомир и рупь
пятьдесят
к своим тридцати разлюбить Кортасара и
Эко
и выучить то, что суставы к погоде болят
и выучить кличку и номер порядковый века
Вагон, заикаясь на стыках, кибитке сродни
и ты из потомков, и он из неблагонадежных
и в дверь постучатся, и это конечно они
вещей не собрать, потому что раскаяться
поздно
В неточности рифмы, в прорехах лиловых
рейтуз
ты едешь на юг из бессрочной по найму и
блату
нет денег, друзей, провожатых, зацепок и уз
никто не придержит за локоть твои
циферблаты
И здесь же в плацкарте, не глядя, как спит
человек
ты будешь царапать записку: любимый,
прости, я

и век-волкодав, безымянный прокуренный
век
сомкнется вдруг над головой... Да, ты
снова в России

* * *

Приятель купил на развале Борхеса,
прочел и запил
потом мы носили ему в больницу
апельсины и сигареты
болтали в приемном покое,
не замечая, как в кожу въедается кафель
выбираясь наружу,
передавали его приветы
отсылали его письма
на несуществующие давно адреса
заедали водку
кабачковой икрой и багетом
Приятель не вышел
собрались, без помпы похоронили
повспоминали совместное
разбежались
только частицы кафеля, хлорки
и халатно-больничной пыли
как въелись тогда
так навсегда и остались
К сорока
хоронить приходится чаще
самому торчать в поликлиниках
пить по поводу и лицемерить
мерить время формулой:
«а вот в наше...»
жить — не жить, непонятно,
под кафельной кожей
пульса уже не проверить

Дорога домой

Ангел стирает крылья в реке Лодзи
танки рвутся к Берлину, сосут бензин
девочка плачет, тому ли вчера дала
на поле живые как мертвые. Иншалла
Весной наши ноги ступают по лепесткам
погода зависит от выбора PAL–SECAM

правда в обеих версиях будет град
возвращаясь домой, не забыть взять
Сталинград
Не забыть, а в глазах пестро от оранжево-
черных лент
за левым плечом недоступный зрению
абонент

нашептывает прямо в ухо: иди, смотри
по небу от Потсдама и до Перми, Твери
Двери и форточки, окна, фрамуги и
прочие дыры для всех, кто успел с земли
не докричаться до них отсюда со дна
весна. Господи, как хорошо, что весна

Вадим Балабан

Родился в 1978 г. в г. Троицке Челябинской области. Учился в Троицком авиатехническом колледже гражданской авиации, позже поступил в Курганский государственный университет, но не окончил его. В настоящее время работает в магазине грузчиком. С 1993 г. участвует в работе троицкого литобъединения «Степь». Печатался в областных коллективных сборниках («200 новых стихотворений», «Знакомство продолжается», «Строки»), журналах («Новый век», «Южный Урал»). Публиковался в сетевых изданиях на портале «Мегалит». Автор сборника стихов «Памятник» (2010). В 2011 г. редактор и составитель сборника «Цеппелины над Троицком». Переводит стихи с татарского. Живёт в Троицке.

мелочь тонкая моросит.
я признался себе в одном:
дождь — избыточный клавишник
в дне глазном.

гиацинты стянули круг
клумбы, чтобы ещё тесней;
чтоб от их бесполезных рук
не к весне,

а к признаниям ножевым
у осевшего сосняка,
где скрипят ледяные швы
сквозняка.

на голосах завода по часам
ведут отсчет — зола на производстве.
но нет на них /и не было/ креста,
как не было потребности в превосходстве.

сады в цвету, цветы по площадям,
пыльцу несут немые цветоносы.
и, влаги законной не щадя,
вовсю молотят-охают насосы.

что херувим, что санта-хиросим —
окрасьте серым внутреннюю веру.
и пачка эта серая максим
такого цвета только для примера.

дощатый пол, разбитое окно,
как признак тошноты или отсрочки
по голосам завода...
не смешно,
когда они достигнут крайней точки...

хлещет вода через рай
держится за косяки
...через дырявый сарай
смотрят наверх мужики

и за морщины дают
им еще лет пятьдесят
чтобы чинили уют
или добились косяк

чтобы отладили кран
и перекрыли картель
обогащенный уран
перетекающий в речь.

* * *

психи выродившиеся — и что
нам остаётся от всей этой мерзлоты
города? арка дощатая и трико
папы Карло ну и менты

конечно/ выношенный запас
у боковых качелей на обиходе
на лобовом пара левых глаз
одетых в радужную по погоде

клумбы ромбы и переплёт
в нелинованную кислоту
я люблю тебя, вертолёт
постигающий мерзлоту

просыпающий порошок
парашютов в забытый полдень
не бывает так хорошо
если к следующему не пригоден

канатоходец канатобрат
небо выстроилось для тебя
окна чёрные в аккурат
невозможного сентября.

Марина Матвеева

Поэт, литературный критик, публицист, журналист, редактор, культурный обозреватель, культуртрегер. Симферополь, Республика Крым. Публикации в изданиях Крыма России, Украины, Ближнего и Дальнего зарубежья. В т.ч. международная антология «Новые имена в поэзии» (Москва). Стихи переведены на украинский; английский языки («Remote Sky» (Канада). Стипендиат Фонда «Москва-Крым» за литературно-критические работы (2000, 2002). Авторские поэтические сборники: «Светотень» (2003); «Избежность» (2005), «Теорема слова» (2006), «ЭГЮстина» (2010), «ТРАНС[крым]ЦИЯ» (2013). Автор поэтической фэнтези-феерии «Турозаврида — крымский эпос» (в соавторстве; 2015 — первое издание, готовится переиздание). Участник фестивалей Крыма, России, Украины, Беларуси, Молдовы; в т.ч. 10-го фестиваля поэзии на Байкале (Иркутск, 2010), поэтического фестиваля «Компрос» (Пермь, 2015), «Славянская лира» (Полоцк, Беларусь, 2015) и др. Участник 8, 9 и 11 Форумов молодых писателей России в Липках (Москва, 2008, 2009, 2011). Победитель международного поэтического конкурса «Серебряный стрелец» (2011). Лауреат международной премии «Литературная вена» (2013) в номинации «Литературная критика». Лауреат премии Южнорусского Союза писателей (Одесса, 2010), медали им. А.П. Чехова от Союза писателей России (Москва, 2011), Пушкинской премии Крыма (2012). Двукратный победитель поэтических боёв Всеукраинской Ринг-Лиги (2005 и 2011 гг.). Лауреат поэтического конкурса «45-й калибр» (2013-2014). Лауреат 2-го поэтического конкурса Международной литпремии им. Игоря Царёва «Пятая стихия» (2014). А также ряда региональных конкурсов Крыма и Украины. Член Союза писателей России, Южнорусского Союза писателей. Координатор творческого проекта «Web-притяжение крымской поэзии и Бардовский видеомост». Ведущая Крымской рубрики литературно-философского журнала «Что есть Истина» (Лондон). Участник крымских поэтических групп «Крыманыонцы», «ДжеНиМа», «Фазты»

...писать о простых вещах и о книжных
полках,
о сборище дисков на полке, одной
из книжных,
о том, что бывает лишь с человеком, только
с одним, которого я каждодневно вижу
в обыденном зеркале, чей подзеркальник
полон
шампуней и кремов и летних сухих соцветий,
и не понимать, где таится несносный холод
души, погруженной в себя, и пытаться
встретить

строку о простых вещах, о приходе друга,
стыде перед ним за неубранную квартиру,
о том, что бывает лишь с человеком, туго
закрученном на себе и закрытом миру,
кто знает о простых вещах, о подарке
к свадьбе
сестры, о дожде, который на каланнетик
не дал ей пойти, так не хочет, а надо знать
бы,
и знания эти сложнее втрое тех кибернетик,
которые, высчитав ритмику, амфибрахий
заводят о богопознание и прочем этом,
чем славится девочка Маша Машина
в страхе

почтения перед нею как перед большим поэтом,
который не видит книжных полок, а видит списки,
грехов и судеб человеческих пред Вселенной,
который не знает, в котором банке платить за прописку,
и уже год как не ставит себе Интернет из лени
идти договариваться, который не моет груши,
когда желает их съесть и гостей встречает недельным печеньем, и хочет писать о душах,
и лишь по себе единственной душу чаёт постичь; о простых вещах, о попытке связи с другими мирками, которые каждый сочен, как эти проклятые груши, чьих безобразий и радостей слишком много, а мир двучен, и третьего глаза нет даже у тех поэтов, кто с помощью листьев травы его открывает...

Сегодня погода будет, по всем приметам, пора бы на тренировку по изучению рая...

* * *

С утрава делать нечего. День будто сдутый шар.
В окна вползает к вечеру потного полдня жар,
температурит, лапушка, хочет моих пилюль.
Не разрешает бабушка. А на дворе июль.
Где-то в Сибири лаково-белым цветет сирень.
Наша же в май отплакала, словно в подушку. «Встрень дедушку с поликлиники, медленно он идет. И ходунков, былинонька, Бог тебе не найдет в старости», — прошептала мне бабушка, хлеб в руке, мякиш, как льдинку талую, плава на языке, ложечка, чай взволнованный, дует, жара, жара...

Я в белых шортах новеньких прыгаю со двора — и мотыльком по улицам. Медленно он идет... Бог — не слепая курица — что-нибудь да найдет, что-нибудь да отыщется летним тягучим днем... На ветростёклах тыщами — блики. ...Давай свернем в тот переулок, дедушка, помнишь, ты там играл в детстве и с некой девушкой угол облюбовал для поцелуя первого... Сам рассказал. Забыл? Как в Воскресенье Вербное веток ей раздобыл, — хоть запрещали праздновать, — в церковке освятив... Бог — Он болезнь заразная. Скольких «врачей» сплотив, мудрых и доморощенных, не излечила власть прежняя. ...Так короче нам, бабушка заждалась — маленькая и верная, будто лампадный свет, помнящая те вербочки тысячи тысяч лет. Чаю тебе остудим мы, булочку подадим. Видит Господь: не судим мы — будет же не судим мир, оголенным проводом тычущийся в живье... Бог — дай Ему лишь повод — нам сердце отдаст Своё.

Александра Шилева

Родилась в 1994 году в посёлке Балезино Удмуртской республики. В 2005 году переехала в Пермь. Публикации: Удмуртская молодёжная газета «Мост» 2003 г. Пермский журнал «Вещь» 2012 г. и 2014 г. Газета «Свежак» 2014 г. Альманах «Графит» 2016 г. В 2014 году победила на фестивале «Компрос» в «Шоу неизданных книг». При поддержке фестиваля вышел дебютный сборник стихотворений «Дяденька-мужик». Живёт и учится в Москве.

Бомжи на кровати

Возвращаюсь домой —
Бомжи на моей кровати
Устроили распродажу волос и пыли
Пили свои портвейны,
Не забывая,
Что обо мне давно уже все забыли.
Потом они пили духи, ели зубную пасту
Распотрошили тумбочки, рвали книги,
Прожгли сигаретой фото Фиделя Кастро
Как выяснилось, бомжи не в ладах с такими.
Как выяснилось потом —
Это я не в ладах со всеми
Включая себя
Включая радио, телевизор
Мне уже давно отристочертели
Эти люди, голуби на карнизах
Бомжи на моей кровати
Ты в Екатеринбурге
Я выхожу из дома
И падаю в переулке.

Мария в Коломне

Ожидаю Марию. Вино в рюкзаке.
Снег заносит меня на аллее
Быстро вырос сугроб на моей голове
И все пальчики окоченели

Две собаки проходят и мне говорят,
Что Мария сегодня в Коломне
Я кричу— вы всё врётё и пячусь назад
Я не помню. Не помню. Не помню

Кто покинул меня кто родил кто обнял,
Кто пырнул меня шилом в подъезде
Ожидаю Марию. Коломна. Провал.
Снег кружится и дальше, как в песне.

Я не помню ту песню. Плетусь на восток.
И собаки плетутся за мною
У часовни Мария катает снежок
Мы обходим её стороною.

Цветы

Самые дивные цветы
Рождаются из навозной кучи.
Благословенные голубые, жёлтые
Благоухающие красные оранжевые цветы,
Наполняющие этот мир чем-то
необъяснимым

Нежные как утренний сумрак
Как кожа индейца
Как единственное облако над осенним
полем

Как первый снег
Цветы умирают из-за любви

Но бывает, что их съедает корова
Иногда на них наступают
Но цветы не издают криков
Молча себе умирают
Сбросив с себя пыльцу
Молятся и думают о реинкарнации
Дивный цветок боится переродиться
в поэта

Он не уверен, хочет ли снова
Пробиваться сквозь навозную кучу
И проходить через весь выше
представленный ад.

Александра

Александра, мы всё потеряли
Всех, кто был нам во сне маяком
Вечер, вечер — вода пивная.
Утро, утро — река. Пойдём.

Человек уничтоженный — это
Новый вид, новый титул. Во лжи
Меня дети в сачок подловили
И братва увела в гаражи

На горячие ржавые крыши
Александру на белом вине
Как на топливе жить научили
И держать чёрный дым в рукаве

А потом мы с ней всё потеряли
Мизантропных детей и братву
Александра, посланник печали,
Засыпай, по утрам по утрам.

Я уехала

Ничего не скажу и уеду, закинув мир
На трухлявую крышу и пусть там гремит как
дурак
Мой сосед в девяносто восьмом злему псу
отрубил
Его голову. Кинул на крышу. Повесился.
Как-то вот так.

Может что-то случилось, в крови появилась
вода,
Только я не хочу больше здесь
находиться — мне хочется спать.
Ну а ты, может, вспомнишь меня.
Вспомнишь может. Наверное, да.
Это будет не скоро, но всё-таки... Да. Опять.

В герметичном пространстве я, не спеша,
превращусь
В герметичного пса с белой шерстью и
костью из льда.
Ты отрубишь мне голову, если я вдруг
возвращусь.
Возвращусь я навряд ли, а если точнее —
никогда.

Не вернусь в этот город, посёлок, деревню,
село...
У меня здесь война и повсюду рубиновый
свет.
Мир гремит и танцует на крыше балет.
Никого.
И посмертно исполнил в петле тарантеллу
сосед.

* * *

Где я пытаюсь выйти из себя,
Там мальчики с огромными губами
Мне говорят о том, о чём нельзя
Сказать, не побывав за облаками.

Я на полу нащупываю снег
И горсточку прикладываю к сердцу.
Я — маленький и грустный имярек,
Раздавленный ботинком иноверца.

Я к мальчикам хочу за облака-
Писать стихи и целоваться в губы...
Неглинка — жизнь, закованная в трубы,
Течёт как алкогольная строка

Стремительно. И выход из себя
В таких условиях как будто нереален.
Я говорю и, это говоря, осознаю,
Что выход мой банален.

Имя

На мягком серебре имя твоё рашу,
Я поливаю его тёплой водой
Верю в него,
Люблю.
Гладкое, словно лёд,
Имя твоё растёт,
Северным журавлём опылённое,
Воспетое херувимами,
Собранное в тюрьме грустными зэКАМИ.
О, Моп Амi!
Мало моей земли
Царствию твоему...
Аллилу-у-у-й-
Я всё из себя достану, в корни тебе сложу,
Каждый отдельный звук
Небу воздам без рук,
чтобы никто не знал имени твоего!
Ом намасте намо
Имя твоё— клеймо!
Благослови, Аллах
Выжжено на губах!
Харе Рама
Харе Кришна
Снегом посыпали вишни
Имя-имечко твоё,
Имя— имечко моё

Янис Грантс

Родился в 1968 году во Владивостоке. В связи с военной службой отца проживал также в Советской Гавани, Ленинграде, Челябинске, Кирове. Делал безуспешные попытки получить высшее образование в Киевском госуниверситете на историческом факультете и Киевском училище инженеров связи. Служил срочную службу на корабле Северного флота. После службы остался в Заполярье и работал плотником, боцманом, коком на рыболовецких судах и буксирах, приписанных к Мурманску и Архангельску. Лауреат фестивалей и конкурсов: «Нестолычнэй поэзіі ім. Віктара Толокнова» и «Новый Транзит» (оба — 2006 год, Кыштым); «Глубина» и «Прекрасен наш союз!» (оба — 2007 год, Челябинск). Обладатель Большой независимой поэтической премии «П» (2009). Участник семинара «Северная зона». Печатался в литературных журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Южный Урал», «Волга — XXI век», «Крещатик», «Новые облака» и др., широко представлен на литературных интернет-сайтах. Автор поэтической книги «Мужчина репродуктивного возраста» (2007). С 2002 года живет в Челябинске.

Но вот

но вот в разлинованном свете
в границах от сих и до сих
проходят по встречной предметы
и люди одетые в них

но вот опускается цельсий
и падает в мёрзлый подвал
откуда разносятся песни
по самый по первый канал

но вот на селёдке под шубой
стоит неуменя печать
торчат плавники из-под шубы
чешуйки и кости торчат

но вот замыкается вечер
и пьётся бутылка чернил
я вусмерть стихами залечен
но вот
но опять
сочинил

Грач

человек несёт большую
птицу к ветврачу.
он бы продал мать родную,
чтоб помочь грачу.
только кто ж старушку купит,
мёртвую, причём.
человек, как воду в ступе,
боль свою толчёт.
боль — не крошится — водица,
прибывает всё.
умирающую птицу
человек несёт.
и нашёптывает в клетку
человек-чудак:
«без тебя никак мне, детка,
без тебя — никак,
пережить такое горе
мне не по плечу».

так и умер в коридоре.
не донёс к врачу.

Пенсия

балерина на пенсии тянет носок по общаге.
у Одетты-Одилии нет ни семьи, ни

квартиры.
и воруют рагу с общей кухни у хрупкой
бедняги,
дебоширит сосед, а в полу — крысоходные
дыры.

истязала себя, чтобы стать, ну, хотя бы
Плисецкой,
а осталась собой: несолисткой уездного
театра.

так хотелось порхать в белой пачке
по хронике светской,
а приходится хрони соседской ссужать
до зарплаты.

балерине на пенсии снится морская
армада.
балерине на пенсии скользкая сцена —
не снится.

балерина на пенсии пилит себя: вот досада,
надо было тогда выходить за старпома
эсминца.

Купи топор Жанна

листья упали. венозны. мертвы.
жёлты. изъязвлены. рваны.
дворник построил помост из листвы,
думал — голгофу для Жанны.
но не пришла. без неё запалил
мёртвые листья от спички.
слёзы смахнул: он помост городил —
— сжечь на огне истеричку.
выше костёр: всё дымней, горячей.
вот бы отступницу в топку.
Жанна спешила, но в городе Че
пробки, ужасные пробки.

За хлебом

Владе Смехову

кропал стишки свои, кропал.
за так. для никого.
пошёл за хлебом и пропал —
как не было его.

его не хватит жена.
и мать. и дочь. и пёс.
никто не вспомнит ни хрена,
купаясь в луже слёз:
пошёл за хлебом и — привет.

на клетчатом простом —
ожог от спички, чайный след
и кляксы под крестом:
бубубубубубубу
бубу и не бубу
я скоро вылечу в трубу
я вылетел в трубу

Александр Корамыслов

Родился (1969) и живёт в Воткинске. Публиковался в журналах «Арион», «Воздух», «Волга», «День и ночь», «Дети Ра», «Крещатик», «Соло», «Урал», «Футурум АРТ» и других, в различных альманахах и антологиях. Книга стихотворений «Песни мудехара» (предисловие Сергея Круглова. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2014). Участник Российского товарищества поэтов «Сибирский тракт».

* * *

мысль изреченная — есть ложка,
которой можно зачерпнуть
из чаши истины немножко,
в чём соль распробовать и суть

мысль изреченная — есть вилка,
которой можно подцепить
частицы сытности великой —
и дать кому-то есть, как пить

а мысль сокрытая — есть банка,
что ждёт консервного ножа
или пожизненного бана,
откупорить — легко, но жаль

* * *

у тебя там — не закрытый перелом,
не умеешь ты врать, сеня,
но живёшь по-прежнему — по гипсовой
лжи

круче Распятая на Кресте — может быть
лишь Воскресение,
так что засунь свои корявые бентли в свои
же корявые гаражи

и пройдишь пешочком от Гефсиманского
до Голгофы,
помолившись за упокой лёлика, шефа и
козлодоева-старика

ну-ка, пошевели распальцовками!

поскользнувшись, об эти строфы
обопрёшься — скрипишь зубами — болит
рука.

* * *

Воздыхают братья: как страшно жить!
Это верно — меж нами такие водятся,
что готовы полить винца и хлебушка
покрошить
на могилку Иисуса Христа, на могилку
Пресвятой Богородицы...

Воздыхают сёстры: как страшно жить!
Тоже верно — меж ними такие водятся,
что готовы персты и уста свои приложить
к мощам Иисуса Христа, к мощам Пресвятой
Богородицы...

Воздыхают младенцы и старцы: ох,
до чего же страшно! Не бойтесь, милые!

Все горбатости наши знает Бог —
и бессмертно исправит их — за могилами...

* * *

я из ума простого вышел,
когда, бранясь с родной женой,
рыдания ангелов услышал
и хохот бесов за спиной

так и хожу с тех пор, внеумен,
непонимаем иногда:
жена — семейный мой игумен,
а я — семейный инок, да...

* * *

Патриархат... потри его, потри —
и выплеснется он в матриархат...
ему пристало более внутри,
нежли снаружи, ползать и порхать

Матриархат... смотри в него, смотри —
как облакает он патриархат...
снаружи полный, полый изнутри,
он даже и в невинности брюхат

виясь в моих объятиях ужом,
тем самым, кому замуж невтерпёж —
не знала ты: всё сбудется ужо,
но стала уж не уж, но рыба-ёж

и развелись давно патриархат
с матриархатом, гендером звеня...
в сени семейных и других аркад,
любимые, гуляйте без меня

* * *

нажимаю в душе delete,
удаляя из сердца мрачное...
что мне с вами, сёстры, делить? —
только разве что ложе брачное

нажимаю в душе delete,
удаляя из сердца блядское...
что мне с вами, братья, делить? —
только разве могилу братскую

так вот, собственно, и делю —
только множится лож и могил число...

срок настанет — мудачье зло
из души, с сердца — тучи слов
окончательно удалю

* * *

возьму журнал — и сяду в тень.
читать его — смешно и страшно:
езде сквозит вчерашний день,
вчерашний день позавчерашний.

сверну журнал — и выйду в свет.
но тот ещё страшней-смешнее.
и счастья в здешней жизни — нет.
и Бог с ним. с нами Бог. и с нею.

Максим Воробей

Воробей Максим Геннадьевич, родился 7 февраля 1985 года в городе Душанбе, Таджикской ССР, в семье военного. В 1990 году переехали в Пермь. В 2002 году закончил школу №2. С 2002 по 2006 учился в ПГИИК, на факультете Культурологии. Живет и работает в городе Перми. Занимается организацией культурно-массовых мероприятий.

Посвящается Алисе Воробей

Заповедник детства рядом, по соседству.
Оглянись, попробуй, загляни в утробу!

За лесною чащей, там, где сны почаше,
Где в еловых кущах хвойны тропы гуще
И душистый морок у кротовых норок,
Боровая мшина, толщей в пол аршина.

Пролетела птица, пробежала мышь.
Чтоб вам превратиться в вековую тишь!
Где свечи огарок, как с печи подарок,
Где мурлычет кошка в деревянной плошке.

Просвистела сплюшка в тоне ми-бемоль.
Занималось утро, возвращалась боль.

Круг замкнулся
Сук согнулся
Догорел ещё один
День
Как феникс кувыркнулся
Вышел месяц
Выел тень
Куском на грунте

И осталась пустота
Охнул
Выдохнул как будто
Буркнул филин
Вышла
Та.

Качает небо проседью
И копоть на губах.
В вагоне пахнет осенью
И тесно в головах.

Сержант кусает варешку,
Другой в окно глядит.
В кармане моём фляжечка
Сознание бередит.

Мелькают тени грязные
За саленным стеклом
И мнится безобразное
И хочется в тепло.

Но еду я, букашечка,
Качу, куда несёт.
А небо блюёт кашкою,
Да облачки пасёт.

Алексей Евстратов

Родился в 1974 г. Учился на филфаке Пермского университета. Работал грузчиком, санитаром в психиатрической клинике, сторожем. Сейчас открыл собственное рекламное производство. Публикации в журналах «Урал», «Луч», «Знамя», «Вещь». Лауреат премии имени Виктора Астафьева.

ПОЭТ

Мертвому человеку надевают трусы,
Подстригают ему усы.
Ногти тоже стригут:
Собирают в последний путь.
Может, зубы почистить? —
Приходит мысль.
Много приходит мыслей,
Как ни борись.
Ноги в брючины, рубашка,
Руки на грудь...
Мертвому тоже тяжело
Собраться в последний путь.
Холоден, молчалив,
Не гнётся — прямой такой.
Словно просит в карман ключи,
Платок носовой...
Взяли, перевалили.
Воздвигли фанерный свод.
Ничего не забыли?
Поплыли ногами вперёд.
Кошка рот разевает
Беззвучно — никак не поймёт:
Весь ли ушёл хозяин?
Где он теперь живёт?

Стариков барахтает земля.
Осыпает небо глухотой.
А они, существованья для,
повести свои скупые длят.
А случится — громко крикнет птица,
ёкнет сердце, проскрипит буфет —
плоть оторопелая ложится,
нечто выбирается на свет.
И ликует. Только остывает
тела опостылого яйцо...
Оттого я глаз не опускаю,
если наблюдаю мертвецов.
Оттого я не запоминаю
ни твоё и ни своё лицо.

Хочу быть очень маленьким,
хочу быть как лялька —
чтобы обижать меня
было очень жалко.
Чтоб меня не трогали
беда и заботы;
чтобы мама гладила
мне животик: Что ты,
мой сыночек маленький?
Спи, мой сладкий, тихо!..

Чтобы папа на руки
брал, и в небо лихо
высоко подбрасывал,
молодой и сильный...
Хочу в детстве умереть,
чтоб счастливым.
Чтоб лежать на мураве,
глаза голубые —
не такие, как сейчас,
живые...

* * *

Господи, я боюсь умереть!
Боюсь на тебя посмотреть.
Особенно ночью страшно
навсегда замереть.
Кто его знает, что там?
Кто его знает, как оно?
Я ко всяким готов поворотам,
но умереть — страшно.
Особенно пьяному, или
когда сердце замрёт и ёкнет.
Боюсь, что меня отпустили,
и тело моё сдохнет.
А есть ли душа?
Верю, но не уверен.
Пожалуйста, не надо, ша!
Не открывай двери.
Боюсь, боюсь, боюсь...
Подержи меня ещё немного!
Я как угодно прогнусь,
только не надо

* * *

Вагон уснул. Ребёнок плачет тонко.
Так в тамбуре заledenели окна,
что кажется — и нету ничего.
Вдоль полка возвращаешься к титану
и, чаю не спросив,
глядишь в окно.
Мелькает полустанок.
Нет, что-то есть! Но никого
не трогает в несущемся вагоне

промчавшаяся неземная стынъ:
в сугробах будка, и звоночек стонет,
шлагбаум над просёлочком пустым...
— Херак-херак! — мотается на стыках
мертвеещее жёлтое нутро.
Рукою нарисованные бирки
на пятках, выдающихся в проход,
мерещатся...
мчишься в пустоту —
над рельсами в одном условном метре.
Дитя кричит, схватившись
с иллюзией необоримой смерти.

Маша Весна

Маша Весна, по образованию учитель экономики, по призванию — балбес. Маше 25 и стихи — единственный способ рефлексии, которым она владеет, всем психуется, ей стихуется. Очевидно, что эти способности передаются с молоком матери, с генами папы и завидками на сестру. Еще она очень не любит говорить о себе прозой и делает это в третьем лице. Родилась, выросла, начала писать — все в Перми.

Счастье не там, где сегодня ночью
Ты будешь пить свой десятый шот.
— Бармен, я очень хочу быть прочной;
Быть заводной и, как выстрел, точной,
Быть самой важной и самой срочной
Из ежедневных его забот.
Бармен, взломай меня, как систему,
Выбели к черту меня, сотри,
Чтоб так решительно и мгновенно,
По-идиотски и откровенно,
Будто не жизнь у нас, а арена,
Я не рвала себя изнутри.
Не предлагала ему — иди-ка
И погляди — я умею жить
Так, будто мы — это просто книга,
В ней было ярко и было дико,
Было до нежности и до крика, —
Но я сумела ее закрыть.
И никогда уже нас не трогать.
Вытеснить память, нажать на стоп.
Быть непривычной, простой и строгой.
И так удачно скрывать, как долго
Будет еще колотить озноб
После любой неслучайной встречи,
После людей, посторонних вхлм.
Если поверить, мы станем легче,
И соответственно легче — нам.

А время, видно, царь и властелин,
А я себе твержу, что это сон.
Но. Треть моих подруг из Мессалин
Попревращалась в праведных Мадонн.

И, с нежностью неся большой живот,
Так горделиво смотрят на других,
Тех, кто не знает, как запретный плод,
Становится святым. Теперь у них

Вся жизнь сосредоточена внутри,
В сто крат нежнее взгляды и слова,
И... Чуть пониже собственной груди
Уже стучит сердечко номер два.

И я смотрю на них (и мне бы петь,
И улыбаться осени в лицо!)
Забыв о том, что можно не успеть,
Надеть фату, подвязку и кольцо,

Поставить штамп, уехать от родни,
Светиться беззащитным животом,
Тревожиться и ждать, считая дни,
А после — схватки — по пути в роддом.

А время правда царь и властелин.
Рисую завитушки на окне.
И этот шаг... От прежних Мессалин
В Мадонны. Вновь предложен. Но не мне.

Владимир Бекмеметьев

Родился в 1991 году в Перми. Учится на философско-социологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета. Принимал участие в поэтическом фестивале «Биармия» (Пермь, 2013). Печатался в журнале «Вещь».

Из пепла родословной

...во среду золь золила,
А во пятницу пыль пылила.

1.

Ослепшая роза окольных путей
к каменной верфи,
где молчание-злато скрыто в руде
как глина в зубах-к-тетиве,
в материнской утробе отлито
два герба:
подношение бедности
и нелепости.
Голод малых товарищ,
спор о грехе пополам с ячменем.

2.

Провалы твердью сочти
и хрупкую землю
Марии-Иосифа
и в ней плач-письма, лохмотья,
кости исконно немые,
прежде чем свыкнуться,
протают в оврагах.

3.

Сквозь сухой лошади несут мертвеца.
Его землистая голова в такт медленному
дребезжанию веретена
и лампадки вертепа
склоняется набок,
потому что усталость земли и души
и теперь
кажется вечной...
И смерть, старость — предмет ремесла —
шелеста спиц
конечность
небес и телесная
скрипят в поминальниках,
когда дряблые пальцы выводят
рабовъ божих Михаила, Ивана, Федора
(медленно)
и пыль-толпа по дорогам несется,
скорби-страданий поводья
(сжимая и разжимая).

4.

Этой воды не испить —
(как сожаления грош
в схолиях добрых намерий,
как неумолчность огнива,
передаваемого в руках,
дабы освещен был

взор неряшливых изваяний
из буженины и кости.
Кромешное повечерие,
губерния,
воспетая редкими указателями)
полон кувшин.

оглянись и не время ещё
изгнивают гордые травы
не так важно и даже лицо
серый двор
в серый дождь отворяет
серый двор заплывает снегами
бьются улицы тупиками
гимназист и чахоточный дом
все одно в темной ткани футляра
слиплись реки в пыльные дуги
грифель серой и дымной трубы
дряхлый ослик в сером картузе
в каплях крови окно, дряхлый лист
летописца угольной пыли
беспредметные плоскости встречи
изоженные скатерти свечью
изможденные речью речи
на повозке везут опоздавших
бельма смазаны черным салом
пробиваясь в сурьменные страны
продираясь сквозь гордые травы
робко светит беспутный фонарик.
темной улицей воеет рожок.

сквозь сухой лошади несут мертвеца.
его земляная голова в такт медленному
дребезжанию веретена
и лампадки вертепа
склоняется набок,
потому что усталость земли и души
и теперь
кажется вечной...
и смерть, старость — предмет ремесла —
шелеста спиц

конечность
небес и телесная
скрипят в поминальниках,
когда дряблые пальцы выводят
рабовъ божих михаила, ивана, федора
(медленно)
и пыль-толпа по дорогам несется,
скорби-страданий поводья
(сжимая и разжимая).

Срок жизни птиц (сокраден в норы)

Распевают малы пташки
Архангельски гласы,
Утешают младу душу
Те ли песни райски.
М. Кузмин

1.

Когда приглашения или посмертны
или втопаны снегом,
не поет птица,
чьи перья податливым лезвием
из семени изнутри (пшеница)
клубья земли выскребают,
клубья огня, даваясь языками,
и далее слабым шагом
полями, вихрями полыханий
по небу (свинцовая глыба-краюха)
сверяют с узорами птиц.
Как за огранкой рассеялись сны,
базарные слухи,
а также каждый шаг слева и справа —
шаг времени, след ваших отцов.

2.

Синица на рудотканной изгороди,
рукотворной ли?
«Сплачетца мала птичка».
В домах азбука, гнутый конек,
ложка для светских приличий.
«Мелочно», — цветов умолчание рече,
крапленое стужей.
Прелый чай — часть эпиклезы.

То даль — наше вместилище —
подслеповато.
Азбука-палимпсест.
Речные глади сточены конкой, проломом,
желтой артелью следов,
желна рвёт воздух,
сплетения ивовых.

3.

Сточены поименно предместья,
пригороды и околицы,
блесной истерзаны
в воды, двойники
в русские ночи.
Спешащие в небе свиться в
сочинении птиц: мы им или они,
подобия демонских званий,
статуи-росчерки,
селения паутины.
Что ветхие перья и кости
кочет поутру бросит
оклик-лепнину, где
неясная внутренность
славит солнце и тень.

4.

Как дивен сей сад пустыннолюбной
горлицы!
Горькие солонцы проникаемы в чаше,
в Чаше камень-кремень
щедре или пустяшен,
камень-песок, винные укусы.
От рубленных телес-дресва и щепоти,
не во гробех в несытую землю
без домовища — спочивать.
Склевать, сможем сглотить
хлебную пыль, невинная искусом,
уже и молчащие вновь, но тяжко
как подводная хлябь и пагубь,
без одежды славней и пищи сущей.
То не сад-цветник — весны оживанье.

(руины в пропись и подле)

Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы
К. Батюшков

В рундук из глины безучастной
заржавлен август-кирасир
*Поэтический календарь
Нечерноземья*

1.

Мерещится в ветвях в отводе — лептой
элодея, столетия скол в сажень, келия
в ответах охристой земли
обетованной, краснозема;
акронов робких соль,
крупины стаций
— анахорет заметил —
хрустнул гравий,
ссутулилась порода —
гнездо, незаселяемо:
покинутые поймы.

2.

На сетчатой спирали зрячей —
чьим взглядом покоясь жнет небо
изжиленный лотлинь — чей сад окован
посохом двурушным, чьим?
«Реш»: буква к листвице резной,
чин совпадения линий
в наклоне лота головицы,
сырые материалы избирая
в парадиз (и
финские скамьи
и синих эйдолонов лица
не скажут мне).

3.

Безвременная как помарка
в пустынных лоциях
кончина
(где кормчий слепо
ищет крохи хлебные)
клин клином дерево
нутра рисунком

тает (стяжая бурю
в ящике габбро) таит рука
несносную протяжность
прочервлену в небесной туше.
Добро, ведь не бывать дождю
(клубящему в осанке ливней
и тех, кто пел, играл в виолончели,
засим уснул).

4.

Съставъ дубрав лесных,
тугие их притоки,
где стебель — стербль
бьется каждый
для тектонического тока косачей.
Разбойник лишь один
в простор нувоэдемский
вписан, не менее немее, чем
имение борзых, ягдташей,
дуалополых сюртуков,
брусники и клинков,
таврических оказий.
Мираж: так мерить шаг погостом,
где сирота справляет требу,
щенок же требуху
находит.

5.

Когда-то пыль кружится платом
под снежною эпитрахилью,
впивается в друзу,
сливается в одно пыланье
как уголь с древесной,
то как свирель неразделима
с комном речи,
скрипичная калеча с выпью,
и прежде первенства замечен плод
их, мелос убольшившихся имаго,
из жалких прутьев hortus —
смотри же между, сквозь

Ομοίωσις

1.

Изъятые спондеи: глас сей
взвил огонь-Дух среди —
сугубое войны и пира —
нечистоты землиц.
Грязь-бруд и лира, и ампир,
двойная литера запечатлив
на мраморы, скуделы гжель,
в виду имея плод гречихи,
возносит павших числа-лавры
крылатых ядер, травней травлю.

2.

Пока первоцвет
— за последок центона —
в бледные соты, в трапезы твердь
обращен и превращает околье
(жердя в благодный лес)
одним мановеньем. К застолью успеть
Маккавею, подорожному путнику, брату
на кашу и мёд, тризну
хрустальную. Помина и нам
трепетно многословным
или застигнутым славой,
«Чей одр — земля,
кров — воздух синь»,
Вам птицы,
что куст обитают
в предместьях
растрепан.

Анна Бердичевская

В качестве профессионального журналиста и фоторепортера работала в газетах «Молодая гвардия», «Звезда», «Вечерняя Пермь». Дружила и общалась с И. Христоробовой, А. Королевым, В. Пирожниковым, Л. Юзефовичем, В. Виниченко, В. Бубновым, В. Болотовым, Н. Чернец, А. Решетовым, И. Байгуловым. В 1984 году переехала в Тбилиси, где вышли первые книги стихов, написана первая проза. Публиковалась в журналах «Литературная Грузия», «Континент», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов».

Лауреат журнала «Урал» за лучшую публикацию года (повесть «Не плачь, не горюй»).

С начала 90-х живет в Москве. В 1998 году вышла книга стихов «Тихий ангел», в 2004 — книга прозы и стихов «Чемодан Якубовой», а в 2011 — книга «Масхара (частные грузинские хроники)».

Двойные рамы

Саше Котетишвили

Случайный гость в разгаре драмы
Ты рассказал, хороший мой,
Как открывал двойные рамы
В России, в юности, весной...

(Ходили в шубах, в шапках лисьих,
А ты — с распахнутой душой.
Ты жил в Москве, как я в Тбилиси,
Непонимающий, чужой.)

Ты рассказал, как вата мокла,
Проложенная между рам,
И как запотевали стекла,
Особенно по вечерам.
За стенкой бас гудел «Дубину»,
Сосед орал: «Василий, пей!..»

Ты не любил свою чужбину,
Столицу родины моей.

Ты жил томясь, смеясь, рисуясь,
И руку прижимал к виску,

И тосковал!.. Как я тоскую...
И понял ты мою тоску.
... как старая сквозная рана
окно сочилось ватой рваной,
ведь знал, что открываться рано,
что холодно... но — свет не мил! —
ты встал, чтоб распечатать рамы,
рванул — и настезь отворил!..

А я в твоей столице слышу
(О, здесь цветенье, блеск и зной!)
Как плачет, плачет каждой крышей
Далекий, господи, родной
Апрельский город невозможный.

Чернел, шуршал и таял снег.
Тебе открылся дух тревожный,
Щемящий душу зыбкий свет
Страны моей...

Далекий вечер...
Твое распахнуто окно.
Ты думал — позабыл навечно,
Но вот и вспомнилось оно.

Однажды, вдруг...
Как голос мамы
Меня окликнул твой рассказ
О том, как ты двойные рамы
Рванул в апреле как-то раз.

Воспоминание о дворнике

Гале Юзефович

Я просыпаюсь...
 Во дворике
Удары слышны глухие.
Это опять дворник
борется со стихией.
Врубается самоуверенно
в сугроб предрассветный, синий.
Работа его не меряна,
поскольку зима в России.

Я дочку тяну из бязевых,
из теплых снегов простынных,
и душ принимать обещаю,
чтоб, глупая, не простыла.
Потом мы идем по дворику
пробитой в сугробе тропкой,
и думаем мы про дворника,
что он человек не робкий.

Он в пышный сугроб сморкается,
работой своей нешуточной
не больно-то убивается,
поскольку он дядька тутошний.
Его снегопад не трогает.
Ему б от Камчатки до Польши
слегка раскидать дорогу —
проехать, пройти, не больше.

Устанет, воткнет лопату.
Спокойно глядит, по-царски
на в сумерках лиловатый
на снегопад январский...
Дворник не то чтоб гордый,
Не очень широкоплечий...
А снегопад над городом,
кажется, бесконечен...

Я просыпаюсь... Во дворике
мусорка катит дзынькая.
Нечего делать дворникам —
это зима грузинская.
Это зима бесснежная.
Небо такое синее,
солнце такое нежное,
ветры такие сильные!..

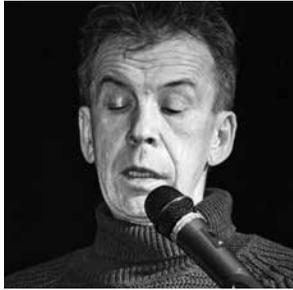
Девочка моя глупая
цитрусы уминает,
в школу по лужам хлюпает,
думает, вспоминает.
Девочка моя маленькая!
В час, когда ты зеваешь,
там, за горами, валенки
дворник наш обувает.

Гия, Баграт и Торнике
Дружат теперь с тобою...
Но снегопад и дворника
мы привезли с собою.

Свидание (зимняя сказка)

Зима. Зима. Земля нам стала пухом.
Под Рождество, у бездны на краю
К спине твоей прижаться сонным ухом.
Мы умерли?..
И, кажется, в раю...
Под утро мертвых поднимает голод.
К столу подняться. Есть ли что поесть?..
Не топлено.
Твой каждый выдох голубь, — ты говоришь.
А я:
Благая весть.
И снова — спать. Так спать, как спит
природа,
Как спят деревья, и вода в реке.
Надолго, навсегда. И на полгода.
Как спят медведи, и рука в руке.

Владислав Дрожащих

Род. в г. Молотов (ныне Пермь) в семье служащих. Окончил филол. ф-т Пермского ун-та (1979). Работает в пермских газетах (с 1980). Сотрудник газеты «Профсоюзный курьер» (с 1999). Печатается как поэт с 1979: газ. «Молодая гвардия». Входил в группу пермских поэтов «Политбюро» как секретарь по идеологии и председатель агропрома.

Автор кн. стихов: «Небавоскресенье» 1991; «Двойная лира: свет и трепет» 1992; «Твердь» 2000. Печатался в журналах: «Юность», «Урал» (1990, №2), «Несовременные записки», «Вещь». Член Союза рос. писателей (1991). Премии им. Б. Полевого журнала «Юность», Всесоюзного фестиваля поэтических искусств (Алтай, 1989). Живет в Перми.

Терем

Творенье в тереме умрет,
но не истлеет, не истлеет;
о, кто во тьме уразумеет,
что ждет его, пока не ждет
никто иль, может быть, ничто
в своем обличье леденящем?
Все это странно: в предстоящем
не удивится нам никто.

Приемля оболочки тел
в свои земные гардеробы,
природа дремлет, сенью гроба
накрыв того, кто жить хотел,
не подавая торжеству
намек на свою гордыню,
через печальную пустыню
влачился; падшую листву

кто, воскрешая, пел, склонясь
в каком-то призрачном слиянье
с ненастным тленом, на прощанье
предошущая с тленом связь;
кто всюду чуял божество:

и в первородной оболочке
души, и в трепетной сорочке
деревьев, что крепят родство

со всем, что, прекращая бег,
не отпуская нас, трепещет,
взрослея, неподвижно блещет,
лелея милый, падший век;
и на колени становясь
перед нагим подлунным зверем,
он мнил себе: высокий терем
в далекой бездне любит нас;

с колен, не пачкая одежд,
нагие поднимались души
туда, но кто взошел, послушай,
туда, не ведая надежд?
иль испытующее нас
морские бездны помрачило
и вознесло из бездн светило,
и сотворило в тот же час

над нами свой вершинный свод,
что не истлеет, не истлеет;
никто в сей храм не попадет
из смертных, — только тот, кто сеет,

как подобает божеству,
терпенье и любовь к терпению,
что, покидая терем тенью,
нисходят в падшую листву.

Ангелоид

Разыграй под смертельной личиной
сцену страха с криком ревнивца,
покрываясь кожей гусиной
оперного нечестивца;
разыграй в рифейских палатах
сцену гибели правдолюбца —
в бубенцах, павиана — в латах,
воплъ павлиний яйца на блюде.
Лишь от ветра — темнеть на время
да меняться с луной обличьем;
да со свистом потомку в темя
колотиться; и клясть по-птичьи.
Лишь на миг застревая где-то
между обмороком и любовью
самой краткою вспышкой света,
смерть склоняется к изголовью;
там разбуженные закатом
плачут ангелы в колыбели —
о своем, о святом, крылатом, как
душа в непотребном теле.
И подобием воскрешения
к ним бредет, как ратник из плена,
бледный отрок — ручьем забвенья,
черневою земного тлена.
Ангел с дьяволом волосатым —
на одной возлежат постели,
озираясь кривым стигматом,
как душа в незнакомом теле.
И счастливей, чем смерть в гареме,
забегая кокоткам в очи,
перед тем как потратить семя,
император из гроба вскочит.
И с последнею электричкой
на халяву гудеть: из ада
подраздетая до реснички
стриптизеров ползет армада.
Стекленей, кровавая влага!
Не делил архангел нагайку
с вертухаем во мгле Гулага,
в курвоте, в маете, как пайку.

В рельс названивай, табор грубый!
Век таежный, правез творимый, —
в Карфагене взвивая трубы
молодым осязаньем Рима.
Затрясись изо всех крылатых
райских сил по чужим тарелкам! —
дождецом копошась в салатах,
по терновым венцам и целкам.
Бесприютным пошло все прахом,
что смеялось, лучилось, пело
и творилось не ради страха,
усмехаясь мне то и дело;
и являлось, как призрак, пламя,
то, что вволю не нагулялось;
умирающими устами
между нами — лишь посмеялось.
И, по грудь в земляном сиянье,
безымянное наглаголит
на серебряном глаголанье
веку падшему ангелоид.
Воскури с ароматом хлеба
кровь Христову, разлитого цвета,
где любовники делят небо,
проникая в огонь без света,
в тесноту, осязая влаги
известь, розы сырой походку,
в темноту кровавой отваги
проникая, как солнце в глотку.
Огонь склоняется надо мною
оборвавшейся в бездну птицей,
и прозрачной, как свет, рукою
прикрывает глаза убийце.

Ангел нежнотканный

Ангел нежнотканный,
как тиха природа!
Хмуриться не станет
злая непогода.
Потемнеют воды,
а дитя играет.
В сердце непогоды
ангел воссияет.
Тенью с небосвода
лепет затихает.
Тихая природа
в сердце воссияет.

Нежности не хватит.
Кто-то в ночь уходит.
С лепетом дитяти
в темном небе бродит.
Не снести укора
посреди сиянья
наготы, раздора,
пустоты, зиянья.
Ангел нежнотканый
среди увяданья,
среброзванный ангел
спит внутри сиянья.
Ангел нежнотканый
над полями плачет.
Путнику в тумане
пожелай удачи.
На дороге дальней
за долготерпенье
вознеси страданья
и благодаренье.
Млечность выгибая,
воссияй улыбкой —
за вратами рая,
за лесной калиткой.

Южный крест (2008)

Я весь в огне. Я вижу Южный крест.
Снежинки Севера сцепились язычками —
и Млечный Путь в морозной мгле над нами
повис фатой невесть каких невест.
Но я — в огне, я вижу Южный крест.
На вёслах спят созвездия морей.
Недвижна мгла и мраморноволоса,
и снег повис, порханья тяжелей.
И Южный крест так вытянут раскосо,
скривив зрачки на гибель кораблей.
И смуглый стан объятиям платка
не удивлён. Удивлены колени
твои, пыльцою взгляда мотылька
чуть припорошены, в режиме построений
мурашек мглы; и закруглённость тени
поверх колен — от первого глотка
так сладостна... И если тень небес
хоть что-то знает, на тебя взирая,
о нас двоих, из ножен вынимая
двуострый взор, огня цветущий крест,
заплечный меч из ножен самурая,
остановись — и замирай скорей.
Оплакан всласть дождями королей
неясный сад. Синей семи морей,
чужое море мраморно мореет,
чужое солнце землю не согреет. —
Остановись, оставь меня, согрей!
Колючий блеск змеится вдоль клинка.
И тишина нежна, кругловолоса,
и собирает смуглая рука
бесшумно-кипарисовую косу,
что расплетают взглядом мотылька.

Андрей Пермяков

Андрей Увицкий родился в 1972 году в Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую академию. Кандидат медицинских наук. Работает в фармацевтической промышленности.

Под псевдонимом Андрей Пермяков (по девичьей фамилии матери) с 2007 года публикует стихи, прозу, критические статьи в журналах «Арион», «Воздух», «Волга», «Дети Ра», «Знамя», «Новый мир», «Вещь» и др., а также в ряде альманахов. Организатор различных литературных проектов в Перми и других городах России. Участник и один из основателей товарищества поэтов «Сибирский тракт».

С 2008 года жил в Подмоскowie. В настоящее время проживает во Владимирской области, работает в Международном биотехнологическом центре «Генериум».

В 2013 году в Санкт-Петербурге вышла книга стихов «Сплошная облачность». Лауреат Григорьевской премии 2014

Объявление: «Продаются крылья»
Я куплю и махомот земли:
надмоном, на Камой, над Итилью...
Ну, куда там дальше журавли?

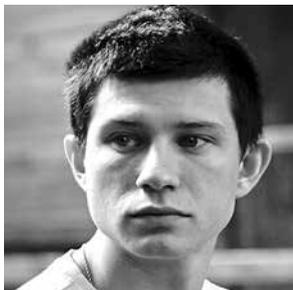
Нет, я знаю, дальше — серой пылью:
«Продаются крылья к «жигулю»...»
Ну и ладно. Главное, что крылья.
Продаются крылья. Я куплю.

Радио

Но поле за тонким лесом на самом деле
«лежит»,
А дорога — вот честное слово — похожа
на серую ленту.
«Продолжается слабая вегетация озимой
ржи».
Что-то ещё происходит над остывающим
континентом.

Вода в предпоследнем пруду к холодам
отцвела.
Плавает пряжа из серых и слабых ниток.
Можно опять смотреть сквозь чёрные
зеркала
На подлежащих тяжёлой зиме улиток.
Лоскутная техника средней и мокрой осени.
Метод нарезок: вот дождик опять, чуть
побив, перестал.
Опята теперь появляются сразу поздние,
Как дети бывают такие красивые, поздние,
Хрупкие, будто искусственный, но
бесподобный кристалл.
Прерывая головокружение глотком
ледяного —
О, неотменимая дурнота облетевшего
леса! —
Принимая звонок, но не отвечая снова,
Чувствуешь вес всего, что не имеет веса.
Думаешь: «Вот ты стоишь, а насквозь тебя
радиоволны.
А смотришь ты тоже на волны, но
на простые волны.
Одни сквозь тебя проходят, другие нет».

Руслан Комадей

Руслан Комадей родился в 1990 году на Камчатке, вырос в Челябинске и Нижнем Тагиле. Воспитанник литературной студии «Мирь» (руководитель Евгений Туренко). Выпустил две книги стихов. Публиковался в журналах «Воздух», «Урал», «Транзит-Урал», «Вещь», альманахе «Предчувствие света» (Нижний Тагил, 2007). Лауреат I регионального фестиваля литературных объединений «Глубина». Лонг-лист премии «Дебют» (2007, 2008, 2011) в номинации «Поэзия», шорт-лист премии «ЛитератураРентген» (2011). Живет в Екатеринбурге.

Состригли снег с увесистых холмов,
и те оцепенели осторожно.
Их шелуху и кожу проводов
еще вчера погладить было можно.

Цела вода, а лопнули назло
колеса капель в кислых оболочках.
И мне не померещилось стекло, —
я шёл к нему, как прима, на носочках.
На коже уцелевшего лица
ни родинки, но виден в полной мере
мальчишка, ожидающий отца:
кота в мешке, скелета в шифоньере.

На запах он выходит голодать,
так ужин достаётся по наследству.
И мальчик ищет умершую мать
в покойнице, уснувшей по соседству.

Брюшные лабиринты как гробы,
рубаша оттопырена на горле.
На похороны — словно по грибы,
когда глаза пускают в землю корни.

Соринки слёз сметаются под стол,
соседи затевают годовщину.

Как здорово, что ты меня нашёл
и сам придумал этому причину.

Остекление

Наскальный иероглиф ноября:
осколки листьев лижут мне ладони.
Псы осени грызутся втихаря.

Под шапкой мира в вязкой гематоме —
припухлые хрустальные шары,
как дети обнаженные в роддоме.

А на краю промышленной дыры
четвёртый день творенья, как по маслу,
по темени малюют маляры

стеклянными глазами понапрасну,
так все подслеповатые творцы
подвергнуты японскому соблазну,
что красят будни, солнца и торцы
небесных зданий, купола улиток
и прочей почвы акробразцы.

Не утихает тиканье калиток
(трухлявый хор): здесь рухляди полно.
И снег скрипит, как стая инвалидовок.

Когда изображение больно,
на зеркале останется помада
и проститутка в бледном кимоно.

Япона-мать! Здесь никому не надо
втирать вишнёвый соус или есть
прокисший снег со вкусом лимонада.

Бог говорит, что тоже хочет есть,
что был давно, но в голоде Господнем
необходимо жажду предпочесть.

Так чёрствый чай я у ребёнка отнял,
чтоб жидкокристаллические льды
растаяли в стакане прошлогоднем.

В нём я увидел плоские следы,
окрошку стёкол на полу, под ними
туннельных глаз продольные ходы.

Я вижу цвет, но забываю имя,
мой Вавилон, как Арарат, — навек.
Застывший грим в японской пантомиме.

Морщины риса, словно талый снег,
у каждой тары дребезжат под паром,
а вся кастрюля — соевый ковчег.

На кухне время кажется мне старым:
и бабушка ходила под венец
и волосы сжигала скипидаром

случайно. В детстве я устал вконец
карабкаться глазами по оправам,
как будто там не стекла, а свинец.

В тибетской книге я читал по главам,
что все очки по осени горят,
теплопроводным оказавшись сплавом.

Есть зрение, как киноаппарат, —
для движущихся линз и чёрно-белых
хрусталиков на несколько карат.

И есть фотограф для остолбенелых
стеклянных лиц, но даже на меня
не хватит снимков одеревенелых.

Стекло с кислоткой — это кровь моя...
У скатерти ворую струи ниток
и пальцы вытираю о края.

Как на Востоке (поздний пережиток),
Великий Путь пошагово хранят
на коже поздравительных открыток

верблюды, что замыливают взгляд,
и вымытый он промышляет в теле...
Вперёд, парнокопытный шелкопряд!

Но в праздник отопительной недели
истлеет снег — и коконы замрут.
Они мне и живые надоели,

похожие на окна, что цветут
на жирных отраженьях. В отражение
мне ближе тень: её не украдут,

как узелки часов, что без движенья
у вора остаются навсегда
на память, как таблица умноженья.

Мне не вернуться осенью туда,
где поздний снег зависнет, как на снимке,
а на земле окажется вода.

В небесном объективе через дымки
и вспышки снов летят наперебой
сценарии молитв по анонимке.

Теперь Господь останется с тобой
наверняка, и мы услышим сами,
как Гавриил орудует трубой

в дневном аду, во тьме на Фудзияме,
в Чистилище: звук источает свет,
и видно дно, как в оркестровой яме.

Я заблудился, но нашёл ответ:
что триединый Данте Алигьери —
японский восхитительный поэт.

Я без очков, но вижу на примере:
терцины с хокку банчат буриме...
Я вру, конечно, но не лицемерю.

Внутри строфы созрело резюме:
Пусть Беатриче наша — это гейша;
La commedia — просто аниме.

Ход мысли выбирает путь дальнейший
не в ад, а во Флоренцию назло
своим врагам и мнению старейшин.

Сквозь тусклое свинцовое стекло
всё началось, но больше не случится.
И потому уже — произошло.

Перифразы о войне

1

волосы-адреса,
ножницы, подоконник,
женщина, пыль, оса
мёртвая, как полковник,
радио на носу
выцвело в колокольню,
мёртвые по лицу
бьют, потому что больно.

2

где у кого санчасть?
полчеловека — полк,
запах, раствор, запчасть,
кто-то затвором — щёлк,
зубы в себя втяни —
здесь болевой баланс,
первые спят одни
в профиль, а не анфас.

3

считанный снег до них,
гильзы от словаря,
нету на вас одних
трижды богатыря,
заплесневела соль,
ополоснули глаз,
светится снег босой,
ты поезжай без нас.

* * *

Смех фонетически — Брюссель.
А мыши — родственники крыш.
Твоя рука ползёт, как сель,
и ты щекотно говоришь.

Гербарий выставлен в окне:
шуршат ресницами глаза,
поскольку ты моргаешь мне,
тебе подмигивать нельзя.

Лоснится снег — второй разряд.
Любая варежка — Париж.
И с крыш твои слова летят,
как будто страусы без лыж.

* * *

Развезят мамины открытки,
а тени заплетут в объятья.
В отдельно-медленной попытке
пусть сёстры выглядят как братья.
Нас в лубяной упрячут домик,
дадут с фамилией нашивки...
Ребёнок влез на подоконник.
Не повторяй его ошибки.

* * *

если бы зеркала
этих тагильских мест...
ты бы еще спала
и выдыхала лес
разве тебе в тайге
выдумать свой маршрут
индексы на ноге
адрес и почерк врут
крайняя ты одна
двигаясь по прямой
ловит тебя длина
собственной шириной
ножницы и жнецы
в тёмную муть хотят
прячут в неё концы

ад не внизу, а над
всё остальное ты
душная ночь балкон
кладбища и цветы
ситцевым языком
заново дотемна
волчья проснётся сыть
ты не запрещена
надо тебя убить

* * *

А. Вавилову

Когда не Бог судья, присяжные ли вы?
Идёте наугад в свой захудалый лес
в широких рукавах обветренной травы,
угадывая тень опущенных небес.

И лес скрипит, хотя он смазан изнутри,
где горизонт, как ключ, проткнул его
насквозь,
и в скважину воды вливайся и смотри,
ты не хотел туда, но и тебе пришлось:

тут микроворобьи кромсают на куски
куриной слепоты зрачок берестяной,
тут женщины для нас сплетают позвонки,
чтоб можно было свет почувствовать
спиной.

Когда мы их во тьме пытаемся обнять,
то тискаем в руках хрустящую фольгу.
А под лопаткой — ключ торчит по рукоять,
и я его впотьмах для нас приберегу.

Я — телеграф травы, я — фаза фонарей.
Не спрашивай меня, зачем тебе глаза.
Любая темнота — враньё поводырей.
Они меня ведут. Подглядывать нельзя...

**Напечатано в рамках поэтического фестиваля «Компрос»
при поддержке Министерства культуры Пермского края**

АНТОЛОГИЯ КОМПРОСА

стихотворения участников поэтического
фестиваля «Компрос» 2014–2015, Пермь

Литературно-художественное издание

Редактор-составитель:
Владимир Кочнев

Издатель:
Борис Эренбург

Верстка:
Евгения Тесленко

Рисунок на обложке:
Федерико Гарсиа Лорка

Издательство «Сенатор»

Гарнитура OfficinaSansC

Подписано в печать 06.06.2016

Тираж 150 экз.

Продаже не подлежит

© Авторы, 2016

© Издательство «Сенатор», 2016